

Души
прекрасные
пары...
A small sprig of green leaves is located in the bottom right corner of the image.

Сборник работ

«Души»

прекрасные

порывы...»

В сборник вошли творческие работы учащихся МБОУ «Тюхтетская средняя общеобразовательная школа №1».

Книга состоит из трёх частей: поэзия, проза, публицистика.

Составители сборника:

Агафонова Н.В. –учитель

русского языка и литературы

Александрова В.И. –учитель

русского языка и литературы

Булович К.И. –учитель

русского языка и литературы

Крупенич Е.Я. – учитель

начальных классов

Пищикова Н.Ю. - учитель

начальных классов

Попельшко В.Н. –учитель

русского языка и литературы

Сметанина Л.П. -- учитель

начальных классов

с.Тюхтет

2015 год

Содержание

ПОЭЗИ

Бородина Олеся -----	5
Высоцкая Варвара -----	6-7
Грицких Марина -----	7-8
Домоносова Вероника -----	8 -9
Козлов Денис -----	9 -10
Кореш Илья -----	10
Крылова Екатерина -----	11
Клюкина Мария -----	12-14
Лапицкая Дарья -----	15
Ложкина Анна -----	16-18
Ложкина Мария -----	19
Ладыгина Юлия -----	20
Лозенко Дарья -----	21-35
Макарова Инна -----	35-36
Михайлова Наталья -----	36-38
Немцев Александр -----	38-39
Паю Анастасия -----	39-40
Садовская Анастасия -----	35-36
Сметанина Анна -----	40
Синютина Алёна -----	41
Торопова Дарья -----	41-42

Ускова Ксения -----	42-43
Ускова Полина -----	43-44
Цибулько Константин ---	44-45
Шестакова Екатерина ---	45-47
Шутылева Анна -----	47-48
Черпинская Олеся -----	48-62

ПРОЗА

Бокова Ксения -----	64
Дубатова Елена -----	65-71
Королёва Юлия -----	71-96
Кулык Алёна -----	97
Ложкина Елизавета -----	99-133
Ложкина Мария -----	138-141
Назаренко Екатерина ---	138-141
Ускова Ксения -----	142-145

ПУБЛИЦИСТИКА

Паю Анастасия -----	147-150
Талаев Михаил -----	151-158

Поэзия

Олеся Бородина

Моя мама.

Много на свете хороших и ласковых слов
О тебе, моя мама. Много сложено песен, стихов.
Я люблю тебя больше лесов и лугов,
Мама моя! Не могу подобрать нужных слов.
А зачем? Ведь слова совсем не нужны,
Меня и без слов всегда понимала лишь ты.
Ангел ты, мама, добрейший души человек!
Сколько же, мама, пришлось на твой век!
А сколько людей теперь уважают тебя,
Мама моя! Ты единственная, дорогая!
А когда тебе станет совсем одиноко
Я приду, помогу, успокою тебя хоть немного.
Лучше тебя ведь нет никого,
У меня ты одна и тебе нелегко.
Чудо Вселенной!
Шедевр планет!
Ах, мама моя!
Ярче и лучше тебя в мире нет!

Варвара Высоцкая

Заодно.

Я с бабушкой своею
Дружу давным – давно.
Не потому, что бабушка
Со мною заодно,
А потому, что бабушка-
Лучшая на свете.

И вкусные конфеты
Хранит она в буфете.
Без бабушки своей
Не проживу и дня!

Ну кто же сочинение
Напишет за меня?!
Кто принесёт мне завтрак
В постель, в воскресный день?!

Кто застегнёт сапожки,
Когда нагнуться лень?!
Кто отругает маму
За то, что вновь она
Не проследила тщательно,
Что я без дневника?!

Кто строго скажет папе
В который раз опять,
Что нужно нашей Вареньке
Побольше потакать

И в строгости с запретами
Ребёнка не томить!
У детки сложный возраст,
Ей лучше не грубить!

Дружу я с милой бабушкой
Уже давным – давно...
Да потому, что бабушка
Со мною заодно!

Грицких Марина

Котёнок.

Я нашла в саду котёнка.
Он мяукал тонко-тонко.
Он мяукал и дрожал.
Может быть, его побили
Или в дом пустить забыли?
Или сам он убежал?
День с утра стоял ненастный,
Лужи серые везде...
Так и быть, зверёк несчастный,
Помогу твоей беде!
Я взяла его домой,
Накормила досыта.

Скоро стал котёнок мой
Загляденье просто.
Шерсть, как бархат.
Хвост – трубой,
До чего ж хорош собой!

Вероника Домоносова

Простая девчонка.

Простая девчонка двенадцати лет.
В душе – одиночка, запретов нет.
Мечтаю о чистой, огромной любви.
Ночами пишу я в тетрадку стихи.

Капризный характер и вспыльчивый нрав.
Терпеть не могу я «качания прав».
Люблю независимость, чуть неуклюжа.
Люблю тёплый ливень и бегать по лужам.

Люблю я тюльпаны и белые розы.
Люблю помечтать, повывдумывать грёзы.
Я знаю, что счастье нас ждёт впереди,
Ты просто поверь и его очень жди.

Март

Март на пятки наступает,
Прогоняя зиму прочь.
Днём снежок немного тает,
Подмораживает ночь.

Ручейки повеселели -
Бодро, радостно журчат,
Ночью шепчут еле-еле
Или вовсе крепко спят.

Денис Козлов

Сломать хотел я веточку берёзки.
С тоской она взглянула на меня.
На листьях появились капли – слёзки.
В траву, росой утренней звеня.

И белая берёзка встрепелась,
Нагнулась, словно хочет прошептать.
Ветвями ласково меня коснулась,

Как будто о себе пыталась рассказать.
Я в летний день от зноя вас укрою,
Весной напитком вкусным напою,
Зимой холодной душу успокою,

А осенью листвою обворожу.

Не трогай ветки! Не ломай берёзку!
Пусть в белом сарафане по весне
Распустит свои первые серёжки
И станет краше на земле.

Илья Кореш

Добро.

Добро – хорошо, добро ведь не зло,
Добро и для сердца приятно.
А когда ты кому – то сделаешь зло,
Оно вернётся к тебе обратно.
А если ты всем будешь делать добро,
Не пакостить и не драться,
То и к тебе с открытой душой

Будут все обращаться.
Так делаем вывод простой:
Будь милым, хорошим и добрым,
Чти старших и младших не обижай,
И слабых по жизни ты защищай!

Екатерина Крылова

Как хочется взмахнуть
И улететь в небеса,
И посмотреть на закат свысока,
И раствориться,
А потом взлететь, как птица,
И быть свободной навсегда.
Воздушного облака касаюсь я
Рукою своей,
И яркое солнце слепит мне глаза,
Чирикает птичка, и ветер гудит,
И каждый листок, упавший на землю,
Так тихо лежит.

Сегодня праздник.
Это мамин день.
И я хочу сказать тебе, мамуля,
Что ярче, красивее и добрее, как у меня,
На белом свете мамы нет.
И пусть я не дарю тебе букетов,
Но знаешь, что я люблю тебя.
Ты вырастила сына и дочь ещё растишь.
И пусть просты мои слова,
Но я люблю тебя, мамуля,
Как никого и никогда!

Мария Клюкина

Что делать?

Что делать – если нет надежды?
Что делать – если трудно ждать?
Когда уже на белом свете
Его нигде не отыскать.

Любил он чистый воздух свой,
Дышал которым ежечасно.
Любил смотреть он на прибой,
И видеть в этом своё счастье.

Он в мире этом жил беспечно,
Но тут внезапная война.
И он ушёл – ушёл навечно,
Туда, где битва и стрельба.

Желаем жить, не зная горя,
И верить в лучшее всегда.
Но не забыть событий боя
Со страшным именем ВОЙНА.

Что творится с природой?

Посмотрите на природу,
Что же делаете вы?
Встретишь мусор на дороге:
Что творится? Посмотри!
И бумажки, и бутылки
Возле урны все лежит.
Неужели трудно очень
Это в урну выбросить?
Не найдете вы местечка,
Где бы мусор не лежал.
Вот прошел один мальчишка,
Кинул банку и сбежал.
Я, ребята, призываю:
«Не кидайте мусор вы!»
Ведь природа же живая,
И живете этим вы!

Спасибо вам, учителя!

Спасибо вам, учителя,
Хочу сказать сегодня я.
Спасибо вам, что всей душою
Старались знания в нас вложить.

И мы старались, я не скрою,
Уроки с радостью учить.

Спасибо вам за то терпенье,
Что не хватает порой нам.

И мы сегодня с восхищением,
Сказать спасибо хотим вам.

Село мое родное.

Ах, село, село мое родное,
Как тебя я люблю!
Люблю я солнце золотое
И утро в сосновом бору.

Люблю я шум реки Тюхтетки
И блеск играющих лучей.
Задорный хохот ребятишек
При виде сосен и елей.

Им нравится в бору Тюхтетском,
Где расстилается ковром,
Словно чудесный мир загадок,
Поляны и цветы кругом!

Дарья Лапицкая

Село моё родное.

Моё село, до боли мне родное,
Его леса, и реки, и луга,
И люди в нём все близкие, знакомые,
И в помощи друг другу
Не откажут никогда.
Гордятся жители Тюхтета
Великолепным шумным бором:
Он летом нас в тени укроет,
Грибами, ягодой отблагодарит.
Зимой нас красотой своей пленит.
Лыжню, где сосны,
Ребятишки в нём прогонят,
А по тропе, утоптанной в снегу,
Короче путь до дому будет.
В Тюхтете нашем
Церковь скоро будет,
Её мы строим все сообща,
С ней жить нам вместе
Всем спокойней будет
И в радости, и в горе, и в беде.

Книга.

Книга – спутница счастья!
Книга в жизни – завет!
Много расскажет книга
О жизни своей по секрету.

Книга любима многими.
Говорит она про себя
Волшебные сказки и разные повести
В жизни всегда нам нужна.

В книге найдёте вы друга,
Самого лучшего, доброго.
Даже снега и метели
Вас не разлучат вовек.

Книге откроете душу,
В ней вы найдёте ответ.

Весна.

Весна – это чудесное время.
Весна – это жизнь началась.
Весна... пробудились деревья,
И новая песнь завелась.

Весна приходит бурно:
Журчит ручеёк вдалеке,
И звёзды стали ясными,
И воздух чист, душист.

И птицы летят караваном,
Ведь тут и тепло, и светло.
Их жизнь началась сначала,
Любимое время пришло.

И песня в душе запела,
И радость во мне зажглась,
Весеннее время года
Начало счастливой поры.

Осень.

Кружится, кружится, кружится

Осенний листопад.

Все деревья голые

Уже давно стоят.

Под ногами листья

Грязные лежат.

Тучи в небе сером

Медленно плывут.

Сыро всем и холодно,

Дождь идёт порой.

И детей на улице

Уж больше не видать.

На душе тоскливо,

Хмуро, пустота.

Это ведь уж осень

В гости к нам пришла.

Мария Ложкина

Весна.

Весна! Весна пришла к нам!

И радуемся мы.

Стали дни светлее,

Солнце потеплее.

Всё оживает, расцветает,

Снег повсюду тает, тает.

Птички с юга прилетают,

Песню чудну напевают.

Ветер тёплый повеваает.

Ручейки всем напевают,

Милы журчаньем, красотой,

С надеждой шепчут: «Пой!»

Всё оживает и цветёт,

А весна поёт, поёт.

Назло зиме, морозной злючке,

Собирает весенние тучки.

И снова вновь всё ожило.

И мир вдруг стал добрее.

Как будто сердце расцвело

Весеннею капелью.

Юлия Ладыгина

Кто научит нас читать?
Кто поможет написать?
Кто поможет нам узнать,
Сколько будет дважды пять?

Кто расскажет о планете?
Сколько лет на ней живем?
Кто покажет нам скелета,
Сколько в нем костей найдем?

Кто научит нас кидать,
Прыгать, бегать и метать?

Кто расскажет про явления
И поможет посчитать:
Сколько дней нам ярко солнце
Будет весело сиять?

Кто научит нас всему
И расскажет что к чему?
Ну, конечно, наш любимый
Наш учитель дорогой.

Стишок про Олежку.

Шёл по лесу однажды Олежка.
Вдруг увидел Олежка медвежку.
Закричал он тогда, задрожал,
Во весь дух от него побежал.

Это дело заметил медвежка,
И решился догнать он Олежку.
Закричал он тогда, зарычал,
Во весь дух за едой побежал.

Но запнулся вдруг бедный Олежка –
Тут как тут подоспел и медвежка.
Встал над ним, как большая гора.
Знал, что кушать давно уж пора.

А Олежка молился, прощался,
Он слезами тогда обливался.
Понял он в тот момент жизни суть,
Только знал, что его кончен путь.

Стал он чувствовать грубую лапу,
Вспомнил маму, и вспомнил он папу.
В небо глянул последний он раз,
Закрыл левый, потом правый глаз.

Но когда ненасытный медвежка
Догрызал его вкусное ушко,

То увидел внезапно Олежка
Одеялко своё и подушку.

Он от радости вдруг забрыкался:
Лишь во сне он у зверя остался.
И, уже осознав жизни суть,
Он продолжил свой жизненный путь.

Любовь.

Опять любовь? Уже смешно. Но просто
Хочу сказать, и я скажу в начале:
Вы знали, что процентов девяносто
С неё свои стихи и начинали?

Я бы могла про солнце и про лето –
О них потом сполна поговорю.
А я об этом, об одном об этом,
Пока ещё весь мир всерьёз люблю.

Здесь невозможное порой бывает былью,
И логика работает своя.
Скажи «Люблю» - и вырастают крылья.
А «Не люблю» - и рушится Земля.

Она не будет никогда напрасной,
Пусть даже боль, пусть пытка или кровь,
Она прекрасна, тыщу раз прекрасна! –

Такой была задумана любовь.

Наивная, быть может, моя лира.
Порядка мыслям нету в голове.
Мне кажется, она – фундамент мира,
Основа жизни в чахнувшей Земле.

Как ни пытайся осквернить её, опошлить,
Взорвать под ней чудесные мосты,
Ни вырубить, ни выжечь, ни поморщить
Её несокрушимой красоты.

И будет жить, в земном аду пускай –
Она и здесь от боли не согнётся.
Да будет жить, когда в небесный рай
Билетов никому не продаётся;

Когда людское скверное нутро
Врастёт в неистребимую привычку,
И станет бескорыстное добро
Китайской грамотой на глиняных
табличках;

Когда уже планета, чуть дыша,
Последний век осилится прожить:
Ведь самая ничтожная душа –
И та способна как-нибудь любить.

Она сквозит в дыхании ребёнка,
Рождается, как плоть его и кровь.

Он теплится ещё в своих пелёнках,
А в нём уже тогда живёт любовь.

И может, человек уже давно
Загубит в своём сердце всё живое,
Но будет пробиваться, как зерно,
В нём что-то искусственно святое.

Не смолкнут никогда стихи и песни.
И я скажу, пусть даже наперёд:
Она не оживёт и не воскреснет,
По той причине, что вовеки не умрёт.

Живу.

Куда-то к свету пробиваюсь, словно семя.
Всё меньше сплю – всё больше наяву
Я думаю, когда на то бывает время,
Зачем и для чего вообще живу.

И разные ко мне приходят мысли,
Их при себе обычно не держу.
И, может быть, действительно есть смысл
В том, что сейчас я правду расскажу.

Живу я, потому что это надо,

Задумано таинственной судьбой.
И жизнь моя – бесценная награда,
Никто её не даст на раз второй.

Так захотели мои папа с мамой,
А Бог шепнул «счастливого пути!»
И я должна быть сильной и упрямой,
Ведь столько предстоит ещё пройти.

Живу, чтобы быть смелой и бояться;
Чтоб наткаться на одну и ту же масть;
Чтобы, упав, потом опять подняться;
Чтобы, поднявшись, вдруг опять упасть.

Чтобы достойно занимать то место,
Отпущенное кем-то для меня;
Лепить пирог из дрожжевого теста,
И греться на природе у огня.

Чтоб рифмовать безрадостные строки,
Ведь я ещё немножечко поэт;
И быть порой безмерно одинокой
В свои, пока ещё, шестнадцать лет.

Чтобы кому-то просто так присниться;
Чтобы самой спокойно засыпать;
Завидовать прекрасным вольным птицам,
Когда-нибудь мечтая полетать.

Живу, чтобы, как в детстве недалёком
С забора прыгать в белые сугробы,

Здороваться с прохожим ненароком,
И улыбаться, да и просто чтобы

Смеяться в зной и нервно плакать в стужу,
И быть покорной Богу одному.

А я живу, чтоб быть ему ненужной,
Ведь должен кто-нибудь ненужным быть
ему.

Чтобы в беде подать кому-то руку,
Кого-то тёплым словом отогреть.
Ещё живу, чтобы в предсмертных муках
С любовью к этой жизни умереть.

Чтоб, осень провожая, встретить зиму;
Чтоб любоваться небом голубым.
Живу, чтобы любить и быть любимой,
Но как-то не везёт мне со вторым.

Живу, не зная, что же завтра будет;
Немного верю в кой-какие сны,
Всё больше открываюсь разным людям,
Переживаю за судьбу страны.

Я выучусь, затем найду работу,
Каких-то целей, может быть, добьюсь.
Живу ведь я, наверно, для чего-то,
Но для чего, никак не разберусь.

Давайте обойдёмся без нытья.

Давайте обойдёмся без нытья,
Коль в отношениях внезапно что-то
рвётся:

«Ах, нет теперь, несчастной мне, житья,
Земля же без него перевернётся!»

Пожалуйста, не нужно жалких фраз,
Навязчивых, как телефонный зуммер.

Их говорили тысячи до нас,
Но от любви никто из них не умер.

Зачем нужна вся лицемерность эта,
Ведь нет в ней настоящего огня:
«Он моя жизнь, мой, мир, моя планета,
А нет его – не будет и меня».

Не нужно слёз, не нужно всякой фальши.
Он просто глуп, поэтому не мой.
Я буду жить, и будет всё, как раньше,
Мир не взорвётся для меня одной.

А небо есть.

Пускай дожди, ветра, и вьюга стонет,
Трещит земля, безумствует гроза...

Но если я сейчас в твоих ладонях,
Не страшно навсегда закрыть глаза.

На что мне мир, и жизнь моя, и люди,
Когда имеешь важность только ты.
Не будь тебя – и ничего не будет,
Лишь вечность на просторах пустоты.

Но нет пути к тому, что было прежде.
Горят мосты безжалостным огнём.
Убогий островок моей надежды
Пошёл ко дну пробитым кораблём.

Закрыв глаза и скорчившись от боли,
Нассорившись с бессовестной судьбой,
Я привыкала к своей новой роли –
Дышать, творить и двигаться одной.

Перетерпев нещадные оковы
И выстояв едва ли на краю,
Поднявшись и начав уже по новой,
Ты знаешь, я тебя благодарю.

Пусть не судьба и что-то не сложилось.
Пускай живу, по-прежнему любя.
А небо есть, и солнце не разбилось,
И счастье существует без тебя.

Вроде бы.

И вот оно снова — начало грядущей недели,
Начало тревог и напрасных, мучительных
грёз.

Не лучше ли сдохнуть на этой холодной
постели

Иль вдруг захлебнуться от жалких,
болезненных слёз.

Оборваны струны, затихла чудесная лира.
Закончился бал, прекратился
торжественный пир.

Простой человек приобрёл очертания мира.
Ушёл человек — соответственно, рухнул и
мир.

И больно, и грустно, и холод мертвящий,
Разъедено сердце до ноющих дыр.
Зато у меня теперь мир настоящий,
А тот был придуманный, временный мир.
И вроде, весна, и всё стало ярче и краше.
И солнце не бросит в окно спозаранку
светить.

И вроде бы, вкусная эта овсяная каша.
И вроде бы, хочется что-нибудь делать и
жить.

В принципе...

В принципе, дальше будет вполне знакомо.
Стукнет весна, и с юга вернутся птицы.
Только погаснет глупый фонарь у дома.
Только чуть реже сердце продолжит биться.

В принципе, время, как утверждают, лечит.
Станет тепло, и руку протянет кто-то.
Страшно представить горечь случайной
встречи.
Страшно померкнуть, видя родное фото.

В принципе, можно, намертво стиснув зубы,
Гордо пройти сквозь самые злые муки.
Просто отравят чьи-то чужие губы.
Просто поранят чьи-то чужие руки.

Если спросит.

Если спросит, скажи, что в большом порядке
И что ныне совсем уже не дичусь толпы,
Что с утра теперь каждый день зарядка,
И сама готовлю каши себе и супы.

Расскажи, как день через край наполнен,
Как явился к жизни диковинный аппетит,
И что я почти уже про него не помню,

А случится вспомнить – не гложет и не знобит.

Расскажи, как я не сбиваюсь с курса,
Как, назло всем бурям, продолжаю плыть,
И что есть в душе ещё все ресурсы,
Чтобы вновь родиться и опять любить.

Расскажи, как вдруг полегли надежды,
Что вязали мёртво по рукам-ногам,
И как я теперь стала той, что прежде,
И лечу стремглав вопреки ветрам.

А вообще, скажи, что живу и здравствую,
Голова не кружится, под рёбрами – не болит.
И скажи ещё, что могу быть счастлива,
Если он ни разу мне больше не позвонит.

Когда-нибудь.

Когда-нибудь, спустя десяток лет,
Мы где-то повстречаемся случайно.
Возьмём с тобой в один вагон билет
Иль сядем на один авиалайнер.

Ты долго будешь пялиться в меня,
Глазам своим доверившись едва ли,
Дивиться неожиданностям дня

И вспоминать: она ли? не она ли?

Откуда ни возмись, копна волос
(Всегда была короткая причёска),
И как-то посмелее вздёрнут нос,
Увереннее взгляд, и больше лоска.

А всё ж узнал. И в профиль, и в анфас.
Десяток миновал, но мало толку:
Всё та же одинокость синих глаз,
Правдивость губ и выющаяся чёлка.

И вот сидит, потеря из потерь.
Куда она? Зачем? В какие дали?
Что делает и чья она теперь?
Любовница кому-нибудь? Жена ли?

Почти мгновенно, как включённый свет,
Взыграет память, словно киноплёнка.
Нахлынут эпизоды прошлых лет,
И вспомнится забытая девчонка.

Зацикленная полностью на нём,
Однажды полюбив его за что-то,
Горела обезумевшим огнём
И пробивалась до седьмого пота.

А впрочем, и меня швырнёт назад,
Задрезбездят отплакавшие струнки,
И память чередой больных лопат
Разбередит засыпанные лунки.

Воскреснут строчки сожженных стихов,
И сгусток мыслей встанет твёрдым рогом.
Аукнет боль отчаливших годов,
И вздрогнется, и вспомнится о многом.

Как бегала ещё со школьных парт,
Как нервы колебались в мегагерцах,
И как пускалась в разный авангард
В борьбе за крохоток родного сердца.

Никчёмность сил и безнадёжный плач.
Безумная, не ведавшая меры.
И он, самоуверенный палач,
Рубивший на корню любую веру.

Так и бежала многолетний кросс,
Наделав ряд безрезультатных дублей.
И, наконец, от всех унылых грёз
Остались обескровленные угли.

У каждого теперь иная роль.
И нет давным-давно бывшего рабства.
Но слишком незабвенна эта боль,
Двуличие и подлое лукавство.

Оборван неудавшийся рассказ,
Затянуты рубиновые раны.
Но вот они – лучи забытых глаз,
Сверлящие до клеточной мембраны.

Забьётся пульс, как раненая птишка.
В душе произойдёт программный сбой.
Конечно, ты мне скажешь: «Здравствуй,
Дашка»
... Но я не поздороваюсь с тобой.

Наболевшее.

Тебе же весь мир покажется дьявольской
шуткой,
И каяться будешь, проснувшись в холодном
бреду,
До слёз, до истерик, до болей в желудке,
если уйду.
Закончится свет, истошно завоют сирены,
Расколется небо, и реки направятся вспять.
Ну, почему для того, чтобы ясно почувствовать
цену,
Нужно терять...
А что до меня — я так и плыву безоглядно,
И даже никто не помог моему кораблю.
Ну, почему они все становятся так
беспощадны,
Если люблю...
Зачем же ты счастье так варварски давишь в
ладонях
И грубостью этой сознательно кличешь беду?

Но если и впредь ты так ничего и не понял,
Значит уйду.

Инна Макарова
Анастасия Садовская

Мама.

Рассвет вступил в свои права,
И новый день уж у порога.
Сияет лунная дорога
За окнами зимы пора.
На кухне с самого утра
Хлопочет мама возле печки;
То принесёт воды из речки,
То что – то варит – не до сна...
Остановится на минутку
Поправит прядь у лба. Опять
Начнёт варить, шить, вышивать
И разойдётся не на шутку.
Над лесом солнышко взошло,
Детишек разбудить бы надо
Вставайте, милые ребята,
Ведь время сна уже прошло.
Забот у мамы много очень:
Детей обуь и накормить,
В доме порядки наводить,

Заканчивает только к ночи.
Детей уж уложила спать,
Сама за день устала очень
И всё же, не смыкая очи,
Уйдёт в работу вся опять.
Устав, к окну пройдёт тихонько,
Чтобы детей не разбудить,
Смахнёт слезу, начнёт грустить
О светлом беззаботном прошлом.
Когда любимый муж был жив,
Войны и не было в помине.
Не будет так уже отныне.
Теперь опорой стала ты
На плечи хрупкие твои
Семья и дом – всё навалилось,
Тяжёлым грузом опустилось.
Заботы, бремя суеты,
Не опустила головы
И гордо выпрямила спину.

Наталья Михайлова

Со вздохом твой номер набираю,
Что не ответишь – точно знаю.

У тебя теперь другая
Тебе я не нужна такая.
Но что любишь знаю,
Уж чувствую, ты поверь,
«Люблю, скучаю, жду!»-
Тебе я это не скажу.

«Не жди, не дожидайся,
А что я гордая – признайся».
Ты признал, что я горда
И сказал: «Люблю тебя».
Просить прощения – нет,
Тебя я не прощу навек.
Тебя я не прощу никогда,
Но любить буду всегда!

Зачем ты сделал больно мне?
Зачем ты сделал так?
Зачем украл мою любовь?
Ты пришёл поздно вечером
И сказа полушутя:
«Я встретил девушку,
Нам надо расстаться».
В тот миг я поняла,
Как сильно я люблю тебя.

Но вслух лишь прошептала:
«Уходи, чтоб я тебя не знала,
Уходи, чтоб я вам не мешала».
И ты сказал: «Прости, прости меня».

Александр Немцев

Считалка.

В нашем классе есть два Саши,
Две Алины, есть Андрей.
Ксюша, Ира – две подружки.
Всех назвать совсем не лень.

Лёша, Лера и Максим
Всеми ими дорожим.
Аня, Ваня есть у нас.
С Юли мы не сводим глаз.

Два Никиты, Рита есть,
Ну а Игорь – наша честь!
Наша Катя и Кирилл,
Тут Данил и там Данил.

Влада - в школе нет такой.
Это класс наш дорогой.
Вы, конечно, не зевайте.
Сколько в классе нас, считайте!

Мама.

Мамочка любимая,
Мамочка красивая.
Ты меня растила,
Больше всех любила.

Мамочка моя
Красивее розы,
Ты не простудись
В сильные морозы.

Ты добро и ласку
Мне отдай сейчас.
Попаду я в сказку
Хоть единый раз.

Анастасия Паю

Мама.

В бессонные ночи у детской кровати
Нас мама своим согревала теплом.
Мы вместе, а значит всё в полном порядке,
Ты рядом, в сознании и в сердце моём.

Ты мой оберег и мой ангел – хранитель,
Ты солнце, что светит всегда надо мной,

Мой самый родной и любимый родитель.
Все строки мои для тебя, для одной.

И как бы в дальнейшем нас жизнь не бросала,
Навеки с тобою связала нас нить.
Ты рядом со мною, любимая мама,
Ты всё для меня, ты обязана жить!

Анна Сметанина

Проходят годы,
Птицей пролетая.
Мы с каждым днем становимся взрослей.

И в суматохе дней не замечаем,
Что первый наш учитель все старей.

Он в нашей жизни первая страница,
Той книги, что прочесть нам предстоит.

И пусть проходят годы вереницей
Учитель также у доски стоит!

Алёна Синютина

Хочу с тобою быть всегда,
Чтоб губы нас двоих касались.

Я по тебе схожу с ума
Чего таить и прятать чувства?

И боль в душе и страсть,
Во тьме ликует сердце.

И твои милые глаза
Меня преследуют повсюду.
Мечта сбылась...и я влюбилась.

Дарья Торопова

Утро начинается,
На улице темно.
Мама улыбается,
И в комнате светло.
Пусть не получается
Что – то у меня.
Мама улыбается,
И идут дела.
Чтобы ни случилось,

Как ни тяжело
Мамина забота
Рядом всё – равно.

Ксения Ускова

Весна.

Весна, весна приходит
Забил подземный ключ.
Зимняя стужа уходит
Воздух чист и могуч.

В лесах оживает природа
Тает тяжёлая корка.
Льются весенние воды,
Морозная тлеет затворка.

Рвутся медовые почки
Зеленеют засохшие ветки.
Повсюду проталинки – точки,
Зацвели одуванчики детки.

Сибирь.

Невиданная красота природы:
Лазурны небеса, перисты облака,
Тайга и степь, рек перламутровые
 воды...
Сибирь прекрасна, велика и широка.

Енисей, Байкал и Ангара
Лена, Обь, Чулым -
Без гвоздей построенный повсюду
храм;
Это всё Сибирь покажет нам.
Бережём мы Сибирь – старушку,
На неё мы не наглядимся,
Любим родные просторы
Красотою Сибири гордимся!

Полина Ускова

Весна.

Весна! Весна!
Вокруг всё тает,
Цветут цветы,
Всё оживает.

С юга птицы прилетают
И солнце пригревает.
Трава растёт,
И почва оживает.

Берёзы сока набирают,
И почки набухают,
Весна пришла!
Весне дорогу!

Константин Цибулько

Наше село.

Наше село зовётся Тюхтет.
Всё в нём красиво, безобразия нет.
Красуется бор с соснами и ёлками,
Тропинки там лесные хорошо
протоптаны.

Чирикают птички – воробьи и синички.
Идёшь по бору – слышен стук дятла,
И погулять по лесу очень приятно.
Много людей в селе проживает,
И каждый из них скуки не знает.

Утром дети рано встают
И на занятия бодро идут.

Стараются, учатся дети,
Чтобы нужными быть на свете.
Я хочу, чтоб в селе все дружили
И Тюхтет наш крепко любили.

Екатерина Шестакова

Маленький Эльф.

Маленький Эльф бегал в лесу
Шапочка, кофточка... похож на лису.
Хитрый и ловкий.
И лук со стрелой
Носил он с собой за спиной.

Ночную порой он грустный такой.
Он плачет, пуская слезу.
Он ведь один, один он в лесу
Убегает от мира, таясь в тени.

И сердце его забилося в груди
И хочется выйти к людям туда,
Но он боится, что будет беда.

Боятся, не поймут его люди.

Не воспримут
Он выглядит, словно кукла,
Как сказочное существо:
Глазки, реснички, носик и губки
Маленькие, как у малышки.

Прожил этот Эльф в лесу, в тени,
Но вышел в мир людей ради мечты.
Мечтал он о том,
Чтобы найти там друзей
И тех, кто полюбил бы его всех милей.

А люди?
А люди, стремясь к мечте,
На полпути свернули.
И пошли только те,
Кто сильный характером
И не сойдёт с пути.

Ленивых шагов отмерили много,
Сначала не знали, куда идти.
Но потом понимали,
Что выход есть, и они шли.

Любимый уголок.
Родимый мой Тюхтет,
С тобою я тринадцать лет.

Тут много пройденных дорог
И столько неизведанных путей.

Здесь каждый знаю уголок,
Здесь каждую тропинку знаю я.

Могучий лес...
Он полон тайн, чудес.
Сосновый бор...
Он щедр дарами круглый год.

Всё больше понимаю я,
Как сильно я люблю тебя!

Анна Шутылева

Мама дорогая, милая моя,
Как тебя люблю я
Очень горячо
За твою заботу,
За твоё тепло.
Нет на свете этом
Дороже тебя никого.

Ты, как лучик солнца,
Освещаешь путь.
Ты всегда поможешь,
Дашь совет любой.
Как же хорошо мне,
Милая, с тобой
В детстве беззаботном
Под твоим крылом!

Олеся Черпинская

Фотография.

На старом фото – время замерло
Для сердца милой и родной картинки.
Уже немало время пройдено,
А мы на нём стоим с тобой в обнимку.

И в памяти по – прежнему живут
Сюжеты с фотографией совместной.
Я знаю, что они со мной умрут
И им в воспоминаниях не тесно.

Проходит всё, кружа в потоке лет,
Но в сердце остаются впечатления.
Ты знаешь, для меня приятней нет,
Чем вглядываться в наше отраженье.

Я помню всё: и губ твоих тепло,
Записки со слезами поцелуя.
Любить тебя... Ах, как мне повезло.
Я не смогу забыть любовь такую.

Мама.

Мама...простое, казалось бы, слово,
А сколько в нём нежности, ласки, тепла.
Ребёнок лопочет его бестолково,
Ручонки раскинув, припухший от сна.
В печали и радости мы произносим
То робкое «мама», то резкое «мать».
Порой на чужбине вдруг сердце запросит
Совсем незнакомую мамой назвать.
А дома так часто ей делаем больно
Поступками, взглядами, жестами мы.
Потом вдалеке вспоминаем невольно
О том, что прибавили ей седины.
И пишем на школьных листках торопливо
Признанья своей запоздалой вины.
Она их читает, краснеет стыдливо.
И в горьких морщинках слезинки видны.
Давно без письма все обиды простила,
А тут ей приятно до боли прочесть:
«Спасибо, родная, за то, что растила;

За то, что ты любишь; за то, что ты есть!»

Осень.

Вот закончился этот день,
И сегодня мне грустно очень.
А вместе со мной, подруга моя – осень.
Грусть подойдёт, обнимет и не спросит.
Темно и тихо... и строки стиха...
Зачем смотреть в глаза столь лихо?
Подойди, скажи: «Привет!»
Боль в душе, неразбериха.
Словно небо всё темнее
Я знаю, дальше будет сложнее.
Прохожу этот путь одна,
Достаю я печаль со дна.
Да... Может немного ревнива,
Но безобидна и правдива.
Что будет дальше с нами, милый?
Где этот ангел белокрылый?
Сердце бьётся всё сильнее
От твоего всего лишь взгляда.
Видеть тебя я рада,
Но как ты уходишь – боль и прохлада.

Первая любовь.

Бывает первая любовь
Ну, знаешь, сладкая такая,
И застывает твоя кровь
В моментах счастья, утопая.
Бывает первая любовь
В прогулках, по траве росистой.
Вы босиком, всё вновь и вновь
Любовь такая чистая.
А знаешь, что ещё бывает?
Бывает ведь вторая,
Такая нежная, слепая,
Что в море счастья утопает.
И сердце бьётся вновь.
И светится её лицо.
Бывает первая любовь да настоящая,
Мне так сказали мать с отцом.

Я вернусь.

Обними, словно дождь в сентябре,
Подскажи мне осенние сказки.
Я вернусь ещё в декабре,
Ты покажешь мне белые краски.

Я любила тебя как могла,

Я ждала твоего упоенья.
Молча, сердце в руке берегла
И не знала других сбережений.

Ты там сильно не унывай,
Не сгущай все палитры вместе-
Я вернусь, а сейчас прощай.
Я являлась плохой невестой.

Сквозь виски сжимает грусть
Где – то далеко вдали.
Я тебя уж не боюсь,
Ты в сердечке уж затих.
Я казалась одиноким,
Наглым, мерзким человеком,
Покорённым злом навеки.
Время шло... И чувства гасли,
Как ночные огоньки.
Что к утру теряли краски
И дарили мне стихи.
Утро, что сменилось ночью,
Так и ты сменился сном.
Сном, где ты уже не любишь,
Отводя всё на потом.
Показался мир прекрасным,
Зацвели цветы в душе.

Обрела своё я счастье
Что когда – то задушили.

Привет, мой родной.
И снова сказать я хочу,
Что ты не со мной.
О горе своём я молчу,
Мне так надоело
Мечтать о тебе лишь во сне.
И как я хочу
Наяву прикоснуться к мечте.
Ведь я лишь хочу обнять твои плечи,
Чтоб ты научился любить и беречь
Великое чувство – ему имя «любовь».
У многих народов пролилась уж кровь
За это великое чувство.
Ведь как же прекрасно бывает порой:
Любые болезни прогонит долой.
Любви нет конца и ей нет начала
Я снова и снова любить начинала.

Зачем всё это было.

О Боже...

Скажи мне, за что это счастье?
Зачем ты нам это тепло подарил?

За ним лишь наступит слепое ненастье,
И будет неважно, что кто – то любил.

И будет неважно, что мы были вместе,
И будут ничем наши чувства вдали.

И вряд ли наступит опять это счастье,
Которое он мне тогда подарил.

Спасибо, учитель.

Спасибо, родной,
Самый добрый учитель.
Вы новых учений, науки хранитель.

Спасибо, что тратите ваши нервишки,
Читать заставляете умные книжки.

Спасибо, что Вы к нам добры, благосклонны.
За то, что Вы знания дарите нам.

А дома, проверив тетрадки, невольно
Берётесь за голову Вы вечерами.

Поверьте, мы дарим Вам наши улыбки,
Наш смех на уроках заставит стыдиться.

И Вы, проверяя все наши ошибки,
Стараетесь к вечеру не устать.

Холодный вечер.
Это были лишь черты его лица,
Это были только локоны и плечи.
Это всё, именно под маской подлеца,
Он закрыл своё лицо в холодный вечер.

Он хотел лишь подойти, её обнять,
Её плечи спрятать под защитой.
Он хотел сердцебиение унять
Со своей судьбой быть квиты.

Этот хмурый вечер сообщил:
Она так полна своих эмоций,
Её томный взгляд так обольстил,
И он наслаждался этим вдоволь.

Он смотрел в её глаза и видел море.
Хотя нет, не море – океан.
Он захлёбывался под прибоем,
Но боялся умереть от ран.

Как охотно бы он ей поддался,
Безмятежно бы ей отдал сердце,
Одного же всё – таки боялся,
Что в его тепле ей не согреться.
Он боялся, что, смеясь, его растопчет
Эта девушка с чертами львицы.
Его сердце вновь и вновь рокошет
И осталось ей во снах явиться.

Это были лишь черты её лица.
Это были только локоны и плечи.
Это всё, именно под маской подлеца,
Он закрыл своё лицо в холодный вечер.

Мои чувства.

На глубине Тихого океана,
Наверняка, мои чувства закрылись.
И пеленою белого тумана
Они небрежно, ласково накрылись.

Но овладели ими черти,
Их разум подхватить сумели,
Чувства хотели своей смерти,
Жестокой силой всё же овладели.

Но черти мучали
И сытно их кормили.
Затягивали тучами,
Жестокостью любили.

Чувства не гасли
И не теряли силы.
Были во власти
Чёртовой могилы.

Должна, наверное, я в бездну провалиться,
Покинуть мир без грусти и тревог.

Забыла я, к чему же мне стремиться?
И по - пустому разум занемог.

Не нужно прижимать так близко к сердцу:
Один родился, умер же второй.

С тем человеком, с кем мне не согреться,
Уйду я в бездну, позабыв покой.

Я поселюсь в прелестнейшей отраде,
Не нужно вспоминать впредь обо мне.

И не найду я больше в твоём взгляде
Мучительную боль.
Я поселюсь извне.

Перестала верить.
Я зажала в себе всю грусть,
Никому не хочу открыться.

Больно давите вы на грудь,
Я хочу превратиться в птицу.

Никогда, может, вам не понять,
Как мне плохо и одиноко.

Перестала уже мечтать
И, наверное, верить в Бога.

Ты снишься.

Почему ты опять мне снишься?
Ты стоишь и так нервно дышишь.
Может ты чего – то боишься?
Может вовсе меня ты не слышишь?

Твоё имя забыть хотела,
Раствориться в толпе людской,
Я мечтою к тебе летела,
Но скажу про тебя, ты чужой.

Тебя вижу, и сердце бьётся.
Пусть сжимается гордость в кулак.
Мне не на что больше надеяться,
Не рассчитывать на откровенность.

Почему ты опять мне снишься?
Ты сказать мне что – то хотел?
Этой ночью опять приснился:
Постоял.
И сам улетел.

Мою душу уже сожгли.
От неё ничего не осталось.
Мои чувства уже на мели.
Лишь осталась одна усталость.

И когда – нибудь я расскажу,
Что творилось со мною в марте.
Этот двор опишу, ту листву.

О тебе...
Ах забыла. Извольте.
Опишу глаза твои, руки, губы,
Может, щёки с румянцем красным.

Ты мне всех был дороже,
Ну, а стал для меня - частью павших.

Я всё ещё люблю.
Прости, но только не грусти.
Ты знаешь, я хочу проститься.
Прошу, ты только отпусти.
В меня уже не окунуться.

Во мне уж нет той маленькой
искринки.
Ты вытри там свои слезинки.
Ты была так со мною нежна.
Я вроде как бы недостоин.

Ты мне, наверное, ещё нужна.

А я с тобою не был скромн.
И я прошу не отпускай.

Ты знаешь, не прощай меня,
Ночами обо мне мечтай.
Я всё ещё люблю тебя.

Я на тебя смотрю:
И сердце бьётся чаще.
Твой образ лишь храню.
Ты что – то может значишь.

Ведь никогда я прежде
Такого не встречала.
Теперь храню надежду,
Что всё начну сначала.

Твой запах проходящий
По школьным кабинетам.
Ты, как вино, пьянящий
И озаряешь светом.

И я бы подошла,
Обнявши со спины.
Лишь если бы нашла
В тебе чуть – чуть искры.

Ты меня улыбками встречай
И мечты мои осуществляй.
Узнаешь однозначно,
Что кто – то здесь скучает.

А знаешь, я не часто
Такое говорю.
Ведь ты похож на счастье,
Я, кажется, люблю...

проза

Ксения Бокова

Лунный лучик.

Жил-был золотистый лунный лучик. Он был совсем тонкий, с трудом пробивался сквозь густые тучи. В сумрачном лесу лучик часто терялся среди веток, и не мог попасть в комнату через окно, если шторы были задёрнуты.

Он мечтал стать таким, как старшие братья – сильные и яркие солнечные лучи, чтобы приносить всем тепло, жизнь и радость.

Лучик печалился:

- Неужели я всегда буду таким слабым? Что я смогу сделать хорошего?

Однажды красивая серебряная звёздочка сказала ему:

- Мы с тобой особенные. Мы умеем светить и дарить миру волшебство. Просто гори от всего сердца и ничего не бойся!

Улыбнулся лунный лучик и побежал по тёмной воде реки, нарисовал сверкающую дорожку. Все рыбы, птицы и даже деревья на берегу залюбовались им:

- Что за чудеса творит этот малыш!

Елена Дубатова

Рождественская сказка.

- Цик-цик-цик! – раздавалось из детской. Это Катя, сидя на кровати, вырезала снежинки. В комнате работал телевизор, раздавались звуки посекундно соединяющихся лезвий ножниц, да проказница Табити добавляла немного шума, чем-то гремела.

Табити появилась в доме Кати совсем маленьким котёнком. Все долго гадали, какое имя ей дать. Были варианты вроде Мурки, Омикса, даже Герды, но ни одно из них не подходило. Тогда Катя внимательно к ней присмотрелась. Длинные усы, леопардовый окрас, короткая мягкая шерсть, голубые глаза, а в ушах кисточки.

В глазах яркий блеск излишнего для котёнка азарта, смелости, непоседливости, своенравия. Катя сразу поняла, как её назвать и громко и уверенно крикнула:

-Знаю! Давайте назовём её Табити!

Разумеется, все согласились. И сама Табити, как будто выражая своё согласие, зажмурив глаза и мурлыкая, потёрлась о Катины ноги.

С этого дня между ними началась настоящая дружба. Девочка всегда сама кормила свою любимицу, играла с ней, гладила её. Кошечка громко мурчала и жмурилась от удовольствия. Она могла и утешить девочку, всячески пыталась сделать

так, чтобы хозяйка всегда ходила с улыбкой на лице. Это её желание совсем скоро стало для неё обязанностью и долгом.

В этот вечер, как только Тобити ни старалась, внимание на неё Катя не обращала, вырезала и вырезала снежинки. Часы пробили полночь. Наступил Новый год! Катя дорезала последнюю снежинку и положила её к другим на полку. Она хмуро посмотрела на кошку и буркнула:

-Так нечестно, Табити! Сестру Алёнку из университета не отпустили, а папа в командировке задержался. Вот если бы сегодняшний день прошёл заново, и папа с Алёнкой приехали домой!

Вдруг всё вокруг Кати и Табити покрылось сверкающими звёздочками, и не успела Катя оглянуться, как очутилась в странном месте, очень похожем на средневековый замок. Катя стояла на красной дорожке, которая вела к трону, а с двух сторон стояли дамы в изящных платьях и господа в смокингах. Тобити крутилась возле ног и ничуть не волновалась. Всё вокруг сияло: мраморный потолок, алмазные стены и много света. Возле трона висели разноцветные флаги.

-Где это мы?- неуверенно и тихо поинтересовалась Катя.

-В стране желаний! – послышалось откуда-то снизу.

Катя поглядела на пол, но никого, кроме Табити, не было. Девочка начала догадываться, кто это сказал, но всё-таки ещё раз спросила, глядя на Табити:

- Где это мы?

- Я же тебе говорю, в стране желаний!

От удивления девочка чуть не упала. Она не могла поверить ни своим ушам, ни своим глазам.

- Не нужно пугаться, юная Екатерина, - послышалось со стороны трона.

Катя обернулась и увидела сидящую на троне молодую даму лет восемнадцати. Не зная, что сказать, девочка выдавила из себя одну фразу:

- Можно просто Катя. А правда ли, что сейчас со мной говорила Табити?

- Правда. У нас все животные говорят. Я принцесса Виктория, и ты сейчас в стране желаний. Именно ты можешь расколдовать нашу страну.

-Я!? Но как?- вскрикнула Катя.

- Десять тысяч лет назад колдунья Гекота заколдовала нашу страну, а сферу с заклинанием спрятала в храме Желаний. Только ты можешь найти эту сферу и спасти нас всех. Мы готовы исполнить за это твоё любое желание.

- Соглашайся, не пожалеешь, - мурлыкала Табити.

- Ты поможешь нам, Катя?

Со всех сторон на неё с мольбой смотрели сотни глаз.

- Я попробую.

- Хорошо. Только помни три правила: во-первых, в лесу конфет не ешь сладостей, а то одной из них станешь. Второе правило – в Роще подарков подношений ни от кого не принимай. Нарушишь – там и останешься. И третье правило: в Деревне разговоров и слова сказать не смей, а то навсегда с жителями деревни болтать останешься. Запомнила?

- Запомнила. В какую мне сторону идти?

- Тебя проведёт Табити, она знает дорогу. Удачи!

Табити уверенно пошла к двери, Катя поспешила за ней.

Конфетный лес поразил девочку. На поляне из кокосовой стружки ежи тащили на спинах шоколадные грибы. Рядом на деревьях, где вместо листьев были разные конфеты, белочки грызли фундук. Зайцы подпрыгивали к веткам, срывали конфеты и на конвейере спускали их в нору. Табити относилась ко всему равнодушно, а вот Катя смотрела по сторонам, как голодный волк глядит на свою добычу. Она не замечала, как облизывала свои губы, проглатывая слюну.

- Катя, опомнись! Будешь сладости здесь есть, станешь одной из них!

- Я помню,- недовольно ответила девочка и перестала смотреть на соблазнительные зефирные ёлки. Наконец, миновали Конфетный лес, но удивительный аромат ещё долго преследовал путешественниц. Впереди была Роща подарков. Коробки разных размеров, перевязанные разноцветными лентами с большими бантами, располагались вокруг. Разные голоса стали слышны, как только Катя подошла ближе.

- Катенька, это тебе! Я тебя долго жду! Возьми меня скорее!

Коробки прыгали вокруг, стараясь оказаться в руках девочки. Птички порхали около, и у каждой в клюве для Кати был подарок. Яркая надпись на одной коробке «Для Катюши» привлекла внимание девочки, и она протянула руку...

- Катя, ты забыла? – голос Табити заставил спрятать руки за спину и прибавить шаг.

- Я помню, - с грустью прошептала девочка.

Наконец-то Конфетный лес и Роща подарков остались позади, а первые жители деревни уже радостно приветствовали Табити и её хозяйку. Кате сразу стало понятно, почему это Деревня разговоров. Улыбаясь, каждый старался заговорить, спросить о чем-либо, что-то рассказать. Катя быстро шла за Табити, просто плотно прикрыв рот ладонью. Кошка иногда поворачивалась и напоминала:

- Ты ведь помнишь?

И вот впереди показался храм Желаний. Никогда не видела девочка такого причудливого здания. Оно напоминало любимые игрушки, фрукты, цветы. В главном зале было много интересных вещей, но Табити уверенно направилась к красивому старинному сундуку. Катя раскрыла его и увидела сверкающую сферу. Внутри переливались, кружились блестящие снежинки. Катя взяла её в руки, и они с Табити мгновенно перенеслись во дворец, где их ждала принцесса Виктория.

- Спасибо, Катя. Ты справилась с испытаниями, настало время отблагодарить тебя, - принцесса надела Кате на палец кольцо с зелёным камушком. – Это кольцо желаний. Каждый день ты можешь гулять по Конфетному лесу или в Роще подарков, жители Деревни разговоров не дадут тебе скучать. В моем дворце мы рады видеть тебя на наших балах. Скажи, что ты желаешь, и всё обязательно сбудется. Не спеши, подумай хорошо!

- Спасибо большое! Хочу, чтобы сегодня стало вчера, и Алёна с папой приехали домой.

Кольцо сверкнуло зелёным светом, и Катя оказалась у себя в комнате в новогоднем наряде. Таби, как всегда, путалась под ногами. В зале слышались голоса. За праздничным столом собрались все: мама, папа и Алёна –

самые лучшие новогодние подарки. Табити загадочно мурлыкала, обходя всех.
- И тебя, Табити, с Новым годом!

Королёва Юлия

Рождество для Элины.

Величественный особняк возвышался под плотным звездного неба. Окна извещали о том, что внутри преобладало праздничное освещение. На двери красовался рождественский венок, увитый уймой золотых колокольчиков. Если переместиться внутрь дома, то можно увидеть просторную золотую гостиную и явную виновницу грядущего празднества – пышную ель, необычайно высокую, пылающую нескончаемым перечнем огней. Праздничный стол пестрел невообразимыми вкусами, которые подвергались неминуемому нападению со стороны «проворного живчика». Так слуги дома нарекли девочку, увидев в ней ветреность

эмоциональных порывов и чрезвычайную подвижность, с какой сами обессилили справляться.

– Слишком много странного происходит в этом доме, - вздохнула слуга Мэг. - Ты только посмотри, Ральф, сколько конфет исчезло со стола за время моего пребывания на кухне.

– Это вовсе не странно, Мэг, - с равнодушным видом ответил Ральф, - Ты знаешь, это дело рук Проворного Живчика. А отсутствие конфет не стоит твоего отчаяния, ведь среди прочего их нехватка не будет замечена. Но следует обратить особое внимание на территорию праздничного стола, а не то Живчик и впрямь позарится на угощение в виде жареной индейки!

Между тем, Живчик, чьё подлинное имя звучало как Агнесса, проворно выскочил из-под стола и скрылся восояси.

Агнесса бежала вдоль длинного коридора. Её путь был перекрыт встречным замечанием отца.

– Агнесса! Такое поведение отнюдь не радует твоего любимого папу. Зачем ты мешаешь Мэг и остальным слугам?

- Я не мешала им, папа, - грустно ответила девочка, а когда бывшее веселье вернулось к ней, добавила, - Хочу подарков, подарков!

- Прекрати, Агнесса. Время придет, - ответил отец и поспешил скрыться. Следующий час Агнесса провела в

беспросветной скуке, тем временем предвкушая предстоящее празднество. Ожидание было настолько трудно выносимым, что сами ноги девочки увлекли её вглубь дома. «Там я, хотя бы, не ослепну под натиском яркого освещения», - по пути думала она. Минув подпольную лестницу, Агнесса зажгла свечу и ринулась на исследование подвала в родном доме.

Вглядываясь в груду старинных, захламленных вещей, Агнесса про себя отмечала, что на последующий час скука покинула её, восторжествовала заинтересованность, но кто знал, что она приведет Агнессу к поражающим открытиям...

Агнесса увлеченно бродила по неизведанным уголкам. Едва слышный шорох заставил её вздрогнуть. Следующий шорох завлек её в сторону, откуда доносился этот загадочный звук. Свеча, неистово вздрогнувшая в руке Агнессы, осветила худенькую девичью фигурку, покинутую в самом отдаленном уголке подвала. Однако Агнесса вовсе не была напугана – интерес и удивление завладели ею. Находясь на неблизком расстоянии, Агнесса всё же смогла разглядеть незнакомку. Девочка была золотоволосой, но длина её волос едва ли доходила до плеч. Нежданная гостя была в не лучшем одеянии, ибо то было рваным, грязным и почти не годилась для зимы. В остальном же девочка выглядела не

менее удивленной, чем Агнесса.
– Привет, - это странное, для такого случая, приветствие сорвалось с уст Агнессы случайно. Несмотря на своё удивление, она произнесла его таким тоном, словно они с Золотоволосой были знакомы с давних времен , и нет ничего непонятного в том, что та сидит в её подвале. Золотоволосая молчит.

– Откуда ты здесь? – продолжает Агнесса.

– Пожалуйста! – восклицает девочка, - Пожалуйста, не говори обо мне никому, ведь тогда меня вернут обратно... А я этого страшусь. Больше всего! Если ты имеешь хотя бы каплю добра – не говори никому. Просто дай мне уйти! – Золотоволосая уже захлебывается слезами. От крика

незнакомки у Агнессы, казалось, заложило уши, но придя в себя, она миролюбиво сказала: - Постой! Если для тебя это так важно, то я никому не скажу. Даже родителям. Но взамен я хочу попросить тебя рассказать о причине, по которой ты оказалась здесь. Незнакомка поняла, что ей предстоит нелегкая задача, но все же решила сначала представиться: - Меня зовут Элина. До своего пребывания здесь я жила в доме родной тети на окраине города. Накануне Рождества, сегодня утром, моя тетя обнаружила, что у неё совсем не осталось денежных средств. Она была в отчаянии, но позже это чувство переродилось в жесточайшую озлобленность. Она сказала мне,

что я должна идти на многолюдную площадь, встать там и просить денег в шапку. Другим словом – попрошайничать. А мне вслед она прибавила:

- И помни, Элина, если шапка будет пуста, даже не подумай возвращаться. Мы совсем без средств, тебя я прокормить не в силах. На что ты мне тогда, сиротка? Эх, и почему мать тогда не забрала тебя с собой в могилу? Агнесса ужаснулась услышанному: – Значит ты здесь, до нашей встречи пробыла совсем недолго? -

Совсем недолго, - подтвердила Элина.-

А попала я сюда вот как. Увидев этот дом и сочащийся из его окон свет, я стремглав ринулась к двери, наткнулась на рождественский венок и постучала. Никто не ответил. Я толкнула дверь – она оказалась открытой. Я попала в просторную гостиную, где не увидела ни одного человека. Я убедилась в том, что люди находятся совсем неподалеку лишь тогда, когда из соседней комнаты слышались голоса. Мне стало страшно. Я скрылась за колонной в другом коридоре, там приоткрылась некая дверь, и я тихо скрылась в другом направлении. И вскоре нашла в этом доме самое безопасное место, - Элина одарила подвал умиротворенным взглядом. - Причем, совсем скоро. – Ты пришла в наш дом, чтобы попросить денег? – спросила Агнесса.

– Да, но я испугалась... И ко всему прочему просто устала.

Агнесса чувствовала невольно нахлынувшую жалость к Элине, жалость и печаль, которые казались безбрежными в те короткие мгновения. Сквозь незримую пелену молчания послышался тонкий и жалобный голосок Элины:

- Прошу, не говори никому.

- Я не скажу, - твердо пообещала Агнесса, так как не была уверена в наличии добрых намерений у её родителей к незнакомке, которая поселилась в их подвале. Другими словами, родители Агнессы тотчас бы позвонили в полицию, чего так опасается милая ей гостя, пусть и неожиданная. - Можешь мне верить, Элина, не скажу. Позволь мне спросить, ты ведь голодна? Ах, ну конечно же голодна! Не волнуйся, никто не заметит, что я несу тебе еды. Ах! Я же забыла сказать: меня зовут Агнесса.

Агнесса вмиг скрылась из поля зрения Элины, снова возродив в себе Проворного Живчика. Теперь Агнесса воровала конфеты и прочее продовольствие не для себя, но выглядело это деяние весьма как прежде. Впрочем, Агнессу, набивавшую свои карманы всевозможными угощениями, никто из слуг не заметил, и через недолгий промежуток времени та снова оказалась в обители Элины.

поторопиться, как видишь, гости уже здесь. Идем, тебе нужно переодеться в праздничное платье.

Это была мама Агнессы. Она увлекла её в конец коридора, где, в конечном счете, за ними захлопнулась дверь. Облачившись в предназначенный наряд, Агнесса с матерью явились к гостям, где те празднично торжествовали.

Вечер начался с нескончаемых приветствий и новых знакомств. Позже эта длительная процедура все же окончилась, все сели за стол.

Агнесса тут же не малость преувеличила, подумав, что это самое скучное Рождество во всей её жизни. В окружении взрослых приятелей, Агнесса безнадежно скучала и едва ли дождалась окончания бала, после которого она поспешила скрыться в своей тихой спальне. Там она уснула крепким и умиротворенным сном. Проснувшись утром, Агнесса сразу вспомнила о той, кого по доброй воле покрывает в подвале. Она решила встать, дабы снова не забыться сном. И прежде всего девочка ринулась на кухню, чтобы заготовить необходимые угощения для подпольной жительницы. Теперь Агнесса яснее прежнего осознавала, что беспомощная Элина в ней нескончаемо нуждается. Благо было весьма раннее утро и факт того, что родители еще спят, осчастливил Агнессу. Через весьма

быстротечные мгновения она оказалась в укрытии своей подопечной.

Элина уже не спала. Она читала. В её руках была некая старая, потрепанная, но толстая книга. Вероятно, это было что-то из Диккенса. – Здесь, должно быть, темно, для того чтобы читать? – спросила Агнесса. Элина вздрогнула. По-видимому, она чрезмерно увлеклась чтением и не заметила вошедшую Агнессу, с набитыми до полна карманами. –

Нет, - всё еще испытывая неподдельный страх, ответила Элина.

Агнесса породила недолгое молчание, но вспомнив, с какой целью явилась, тут же извлекла из своих карманов значительные запасы еды. Элина не скупилась на очередные, очень продолжительные благодарности. – Что ты читаешь? – после спросила Агнесса. – Эта замечательная книга лежала там, - Элина указала на дальний угол, где громоздился старый деревянный стол, - Она про Дэвида Копперфилда. В очередной раз восторжествовало молчание. Вскоре Элина соизволила продолжить, но руководствуясь совсем иной темой: - Агнесса, понимаешь, я пробуду здесь еще совсем немного. Мне нужно определить дальнейший план действий, и я надеюсь на твою помощь, которая касается моего грядущего побега отсюда. Тогда я уйду и тебе

больше не придется воровать для меня еду и навещать в подвале... Только прошу, постарайся оставить в тайне от других, то, что я здесь. Поверь, это ненадолго.

– Я уже дала слово, что не выдам тебя, - сказала Агнесса, желая не продолжать начатую тему, хотя ей было безудержно интересно, куда отправится Элина после побега. Воспользовавшись данной заинтересованностью, Агнесса спросила ее об этом.

– Пока это тайна, - ответила девочка, - Тайна даже для меня самой.

– Что ж, пусть это будет тайной... но лампу я тебе все же раздобуду, ведь к вечеру ты не различишь ни слова в этой книге, - и, сказав это, Агнесса простилась с Элиной, про себя подозревая, что теперь ей предстоит все труднее и труднее скрывать свои похождения в подвал. Когда Агнесса поднялась наверх, бывшее подозрение показало себя в намеренном осуществлении.

– Агнесса! – крикнула мама, - Как хорошо, что ты проснулась. Впрочем, не проснись ты сама, проснулась бы с нашей помощью.

Агнесса недоумевала, но это было не самым страшным, если сравнивать с тем, что её родители объявили о срочном переселении негодного кухонного комода в подвал. – Да, эта вещица отправится вниз, - продолжала мама, - мимо твоей комнаты, боюсь, комод

будет издавать ужасающие звуки, извещающие о своей поломке. Теперь они никого не разбудят.

Агнесса невольно вскрикнула.
– Агнесса? Ты в порядке? – поинтересовалась мама.

– Мама! Не нужно, ведь комод совсем не плох.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, Агнесса.
– Чарльз! Пусть комод перевозят. Агнесса ужаснулась. Её сердце неистово забилося. Где-то витала слабая надежда на то, что Элина останется незамеченной. Но нет! После того, как комод погрузили в подвал, прошло некоторое время.

Вскоре уже ничего не давало сомневаться в разоблачении Элины. Родители Агнессы привели Элину в гостиную и усадили за стол. Они тот час потребовали объяснений. Агнесса едва слышно прошептала Элине:

– Я этого не хотела.

Элина услышала, в её светлом взгляде не было ни капли укора, словно она осознала только теперь, что её разоблачение было неизбежным.

Родителям потребовались объяснения. И они их получили. Из уст Элины.

Эмоциональная буря к вечеру утихла. Решался вопрос об Элине.
– Я надеюсь, Агнесса, ты понимаешь, что мы не можем оставить у себя Элину? Вероятно, её

тетя просто погорячилась и теперь места себе не находит, ужасаясь исчезновению Элины, - сказал отец.

– Но папа! Ты ведь слышал, что Элина говорила о словах её тети, - воскликнула Агнесса, - Это были очень страшные слова! - В таком случае Элина не отправится к ней. – Правда? Значит, она останется с нами? О, папа, это было бы поистине прекрасно! - Нет. Следует переговорить с тетей Элины, и в случае ее отказа от племянницы, отправить девочку... Эм...

- Неужели в детский дом?!
- Абсолютно точно, Агнесса, - вздохнул отец.

Родители Агнессы призвали на помощь неких местных властей. Те и занялись вопросом об Элине. По приезде на место проживания её тети, было обнаружено, что той не стало еще утром. Причина ее смерти не обличалась и стала тайной даже для самой Элины, которая теперь было сослана в ближайший детский дом.

Что касается самой Агнессы, то следует заявить, что она проплакала весь вечер в своей комнате – так полюбила её бедная Элина за столь короткое время, что обрушившаяся на Агнессу потеря принесла много слез и отчаяния.

Время не стоит на месте. Вскоре оно породило благовестное начало весны. Воздух дохнул теплом. Сразу после рождественских

праздников Агнесса пребывала вне дома, и теперь ей предстояло счастливое возвращение.

Агнесса оказалась дома к полудню, чему была нескончаемо рада. – Ну, Агнесса, позволишь мне поинтересоваться, - начал папа, - как тебе понравилось у крестной? - Ах, Чарльз! Она непременно обо всем расскажет. Позволь же ей сначала пройти в дом и снять верхнюю одежду! – с негодованием сказала мама, и Агнесса поняла, как сильно она соскучилась по ним, по их разговорам, по маминым рукам, трепетно витающим вокруг Агнессы с бескрайней заботой. По папиной улыбке, что предназначалась ей этим утром, когда она снова очутилась дома.

Но предшествующее никак не могло улетучить воспоминаний еще об одном человеке. Каждый день, находясь вдали от дома, Агнесса представляла нынешнюю жизнь Элины. Она засыпала с мыслями о сироте и утром они ее не покидали. И весь следующий день. Тем не менее, Агнесса всегда умалчивала о данной тревоге. Но сегодня, под крылом самых близких людей, Агнесса потеряла былой покой.

Время было во власти вечера, когда Агнесса решилась произнести: - Мама, папа, я хочу увидеть Элину!

Это заявление ничуть не взволновало родителей. Напротив, они посодействовали

данному намерению, и следующий день стал днем долгожданной встречи.

Агнесса у ворот детского дома. Одна. Где-то там, внутри здания, вкушая необъятные трудности сиротской жизни, находится Элина. Агнесса двинулась вперед. Миновав входную дверь, девочка очутилась в холле. От него веяло холодом, прокрадывающимся в самые отдаленные закоулки души. В конце холла виднелась дверь. Из неё доносились звуки человеческой жизни.

Агнесса направилась туда, ведь там она могла найти того, кто поможет ей отыскать Элину. Но искать её не пришлось. Агнесса убедилась в этом, когда открыла дверь и увидела Элину, в негодной потрепанной одежде, её золотистые волосы уже не казались такими мягкими и сверкающими. Элина была чем-то занята. Как успела заметить Агнесса, девочка работала со швейной машинкой, а вокруг нее еще десятки таких же девочек – худощавых, в потрепанных платицах, и с не выражающими никаких эмоций лицами. Ко всему прочему, они выглядели невероятно усталыми.

Оглушительные звуки многочисленных швейных машинок заглушали голос Агнессы, звавшей Элину. Когда взгляд Элины случайным образом пал на Агнессу, звать никого больше было не надобно. – Агнесса! – вскрикнула Элина, в ее голосе

смешались и радость и удивление. Она бросила свою работу и ринулась к пришедшей гостье. Приблизившись к Агнессе, Элина увлекла её за собой из комнаты, где царили оглушающие звуки.

– Привет, Элина! Как же я счастлива, что вижу тебя, и в то же время глубоко несчастна, что вижу тебя такой... Такой измученной.

– Измученной? – удивилась Элина и замолчала, сделавшись печальной.

– Мне очень жаль, что я не пришла раньше. Понимаешь...

- Я и не думала, что ты когда-либо придешь, - Элина прервала Агнессу, - не надеялась увидеть тебя.

– Тебе здесь плохо? – спросила Агнесса, разглядывая исхудавшее лицо Элины и израненные до крови пальцы.

– Плохо? Нет. Здесь лучше, чем в неизвестности, - ответила Элина.

– Должно быть, тебе холодно в этой одежде, - Агнесса покосилась на жалкое одеяние Элины.

– Е если тебе больше нечего надеть, я могу принести тебе свои платья.

– Не думаю, что это нужно, - сказала Элина, - всем воспитанницам выдали такую одежду, мы почти каждый день в ней. Внезапный резкий голос, доносившийся откуда-то сверху, окликнул Элину: - Элина! Тебе следует возвращаться к работе. Прекращай разговор.

Как выяснилось позже, таковое объявила директриса, надзиравшая за девочками со второго этажа, в связи с чем Элина поторопилась вернуться в комнату, кишашую набором гремящих швейных машинок.

Агнессе не стало лучше от этой встречи. В отчаянии она прибегла к матери и доверила ей свои тревоги.

Агнесса рассказала о своем беспокойстве за Элину, обо всем, что увидела и прочувствовала в этот день. Позже Агнесса выразила совсем безумное желание, касающееся возможности удочерения Элины. —

Агнесса! — удивилась мама, - Ты не в своем уме! Мне никогда не понять, откуда в тебе такая огромная тревога за эту едва знакомую девочку.

Агнесса промолчала. Ей стало еще грустнее от этих слов. Подавленная неосуществимой задачей, она ушла в свою комнату, решив поскорее забыться сном. Во сне она увидела Элину, та завлекала за собой Агнессу и безудержно просила о помощи. Наутро Агнесса проснулась в слезах.

К концу месяца Агнесса еще не раз посетила Элину. Положение, в котором находилась сирота, не менялось — Агнесса увидела завладевшее Элиной плохое самочувствие. С каждой встречей Элина увядала все больше, словно цветок, под лучами палящего солнца, без воды.

Когда наступил июнь, Агнесса возобновила свои, прервавшиеся в мае, походы к Элине. В день её посещений, обе девочки пребывали в двух местах, в зависимости от случая: в комнате Элины – там нельзя было пробыть долго, так как приходили воспитательницы и зачем-то выгоняли девочек на улицу, и в саду, где подруги и гуляли после.

Эти встречи позволяли девочкам узнавать друг о друге все больше и больше. Они говорили обо всем, что касалось самых разных тем. Для них не существовало никаких преград. Агнесса понимала, что никогда не посмеет прекратить общение с Элиной. Она нуждалась в этих встречах больше, чем сама Элина, такая одинокая и преисполненная печалью.

Родители Агнессы всё благосклоннее смотрели на походы дочери. Они и все слуги видели в девочке значительную перемену: теперь Агнесса на полном праве утратила своё прозвище, и из Проворного Живчика превратилась в весьма последовательную и внимательную девочку. Её не увлекали даже самые маленькие ослушания, навязчивая шаловливость исчезла вон.

Одним ясным летним днем Агнесса снова устремилась к Элине, прихватив с собой различные полезные продукты, вроде ягод, апельсин, яблок. Всё это продовольствие произрастало там, куда не требовалось долгой ходьбы.

Детский дом был полон воспитанниц, среди них Агнесса с трудом отыскала Элину. – Привет! Привет! – Агнесса радостно стремилась к подруге. Элина же шла. Её шаги были не на удивление тяжелы, а сама фигура казалось немощной и истощенной.

– Я принесла тебе это, – Агнесса продемонстрировала пакет с райскими угощениями.

– Спасибо, – поблагодарила Элина, приняв пакет, – Идём в сад? – Идём! – согласилась Агнесса.

Они шли, минуя дома. Из окон глядели многочисленные воспитанницы. Агнесса дивилась их самовольному заточению в столь жаркий день. Но те, кто сегодня предпочел заточению вольный бег, играли неподалеку. Мимо девочек стремительно кто-то пробежал, и пакет с фруктами, который держала Элина, оказался в руках хулигана. Он жил в соседнем доме для мальчиков. Девочки, поверженные ловкостью мальчишки, недоумевали о цели его появления здесь.

– Та-а-ак, что тут у нас? – пробубнил хулиган, заглядывая в пакет. – О! Яблоки я, пожалуй, заберу.

– Немедленно верни всё! – вскричала Агнесса.

После этих слов мальчишка швырнул пакет куда-то в сторону и тот час скрылся.

Украденное яблоко он поглощал с той же скоростью, с какой скрывался в дали.

Элина двинулась к брошенному пакету. Она нагнулась, чтобы взять его, и рукав оголил её огромный синяк на плече. Агнесса с беспокойством спросила об его появлении. Элина неохотно ответила: - Я ударилась о дверцу своего шкафа, это распространённый случай.

Элина постаралась улыбнуться, её улыбка выдалась слегка невзрачной и вялой. Агнесса не стала продолжать разговор. Всё было ясно. Элина что-то скрыла.

Агнесса была безудержна насчет того, чтобы не рассказать родителям об Элине, в частности о том, какой она была в этот день.

Родители отреагировали странно, воззвав внимание Агнессы на то, что затишье перед бурей.

И правда, предсказуемая буря, осуществлявшая круговорот долгожданного счастья, разразилась в один поздний августовский вечер. То было накануне дня рождения Агнессы.

— Агнесса, - начала мама, - нас очень огорчает твоя тревога за Элину. — Да, мы видим твою привязанность к ней.

- И хотим, чтобы ты была лишена возможности ходить к ней, а она ждать тебя в детском доме, - это были слова папы.

— Другими словами, мы хотим, чтобы Элина

поселилась у нас, - разъяснила мама. – Мы хотим во благо осуществить эту идею. Во благо для всех, - заключил папа.

Агнесса была овеяна неожиданным счастьем и благодарностью. Еще недавно родители даже не склонялись к подобным мыслям, сегодня же они объявляют о своем решении удочерить Элину.

- Как теперь дождаться завтра?! - думала Агнесса, охваченная новоявленным нетерпением.

Она упоительно мечтала о том, как завтра, в день рождения, рано утром проснется, наскоро оденется, спустится вниз – её родители будут уже там, готовые идти. Все они поспешат к Элине, огласят ей это прекраснейшее намерение... А дальше уже не трудно представить, что будет.

Оказавшись у заветных дверей, Агнесса постучала, так как было заперто. Странно, но на стук откликнулись сразу же, и дверь отворила сама директриса. Родители Агнессы изложили свое намерение, но вместо согласия, им пришлось выслушать: - Понимаете, вы немного опоздали, - начала директриса, - буквально вчера Элину увезли в больницу. Бедная девочка почувствовала себя плохо. Вечером здесь, в холле, она упала без чувств.

– Она... она в больнице? – Агнесса силилась подавить подступившие слезы.

– Позвольте нам узнать, в какой именно больнице Элина? - спросил папа. Директриса продиктовала адрес, после чего Агнесса убедила родителей, что следует поспешить.

Меньше, чем через полчаса они оказались в нужном месте. Агнесе позволили пройти в палату, где та увидела равнодушное личико Элины. Увидев вошедшую гостью, Элина преобразилась, глаза ее заблестели, губы расплылись в улыбке. Девочки безмолвно поприветствовали друг друга, обнявшись, после чего Агнесса обрушилась с многочисленными вопросами: – Как ты себя чувствуешь, Элина? Что у тебя за болезнь? Может, ты отравилась моими фруктами? О, этого быть не должно! Как печально, что ты здесь. А ты хотела бы жить у нас?

Агнесса замолчала. Повисла долгая пауза. – Жить у вас - это прекрасно, - только и ответила Элина, нарушив тишину. – Когда ты выздоровеешь, поезжай ко мне! Скажи, как ты себя чувствуешь? Тебя скоро выпишут?

В эту минуту их разговор был прерван. В палату вошел врач. – Элина, тебе следует лечь. А тебя, Агнесса, я попросил бы выйти в коридор. Агнесса послушалась врача и направилась к выходу, бросив Элине прощальную улыбку.

В коридоре толпились медсестра, врач и родители Агнессы. Девочка наивнимательнейшим образом слушала наставление врача. Врач говорил о какой-то затянувшейся болезни, дававшей мало шансов на выздоровление. Он говорил о множестве денежных средств, необходимых пустить на трудное лечение. Но деньги не представляли никакого страха для родителей Агнессы, тревогу внушали малые шансы на здоровое будущее Элины.

Невероятно теплый октябрь стучал пожелтевшими листьями в окна. Агнесса спустилась в подвал, желая скрыться от яркого солнечного света, охватившего почти всю земную округу. Эта осень казалась теплее лета. В подвале было прохладно. Агнесса легла на покосившуюся старую кровать и погрузилась в воспоминаниями в былое Рождество. Была зима, но стены здесь сохраняли значительное тепло. Этот подвал и эта кровать служили роскошным пристанищем для одинокой девочки...

Думы Агнессы были прерваны. Локтем она задела твердый предмет, одиноко покоившийся на кровати. Агнесса взяла его в руки. Это оказалась книга. Обложка гласила: Ч. Диккенс. Агнессе нужно было уже уходить. Со времен пребывания в подвале прошло несколько часов.

Элина была в своей палате. Всё время пребывания в больнице позволяло ей лечиться, но не выздоравливать.

– Здравствуй, Элина. Я принесла тебе кое-что, - Агнесса протянула ей книгу.

– Я помню, как читала её в подвале. Она про Дэвида Копперфилда, - сказала Элина.

– Я знаю. Ты, верно, её не дочитала? – спросила Агнесса.

– Конечно, нет, -ответила Элина, раскрывая книгу, - спасибо.

Агнесса приходила почти каждый день. Обычно после обеда, когда заканчивались занятия в школе. Когда Элине было трудно читать самой из-за несносных головных болей, Агнесса читала ей вслух.

Агнесса приносила принадлежности для рисования, Элине нравилось рисовать, в такие моменты, казалось, её мысли отдыхают, она погружена лишь в тот мир, который рисует, а он чаще всего обуславливался безбрежным голубым морем. Агнесса не понимала, как настолько красиво можно нарисовать море, настолько реалистично.

Очень редко девочки слушали музыку, но все же, она была несомненной частью их занятий. В палате звучала самые разные зарубежные песни. Девочки не знали их названий, и главным образом, то, о чем в них поётся. Но им нравились их звуки.

Наконец, невообразимый холод дал о себе знать. Одним ноябрьским днем Агнесса шла вдоль причала, за которым расстиралось далекое море. Агнесса очень скоро обзавелась новой идеей.

Вечером ветер стих, исчез и холод. Ярко-красное солнце заката садилось в море. Агнесса понимала, что нужно успеть, пока оно и вовсе не исчезло за водяным полотном. И она успела.

Элина, тепло укутанная сидела коляске, а мольберт стоял тут же рядом. Агнесса держала краски. Перед девочками расстиралось море, освещенное не в привычную свою голубизну, а отливавшее красками наступающего вечера. Казалось, очень близко тонет солнце. Элина рисовала до наступления темноты. Агнесса сидела рядом, наблюдая за процессом. В этот вечер им было все равно, что тьма опустилась на землю, тьма, среди которой они одни. Благо больница совсем недалеко – за ними кто-нибудь придёт. И пришли. Агнесса рассталась с Элиной, так и не увидев законченный рисунок.

В декабре, на Рождество бал не созвали. Были угощения, свет, огни, ёлка, но среди всего этого великолепия лишь Агнесса, её родители и... Элина. Еще утром Элину привезли из больницы в дом к Агнессе. Врачи дали согласие на однодневный переезд Элины за пределы больницы. Она передвигалась на коляске. Нескончаемая

слабость не давала воспользоваться ходьбой. Предстоял поистине сказочный праздник.

Вечером немного приглушили свет, на фоне полутьмы сверкали рождественские огоньки. Из динамиков звучали песни, полюбившиеся девочкам за время пребывания в больнице. Агнесса и Элина безмятежно смотрели в окно. Они разглядывали все прелести ночных улиц, которые погружались в снег, подающий из темной выси. Внезапно Элина

спохватилась.
– Помнишь вечер на берегу моря? – спросила Элина, тем временем показывая, непонятно откуда взявшийся в ее руках рисунок.
– Я помню, ты рисовала, - сказала Агнесса, взяв в руки рисунок. Она разглядывала его в полутьме и дивилась красоте и точности.
– Возьми его себе. Ах, да! Книгу я тоже возвращу тебе. Я прочитала.

Девочек пригласили за стол. Все сидели, насыщаясь не угощениями, а льющейся из динамиков музыкой и теплой беседой, образовавшейся среди двух взрослых и детей.

Элина и Агнесса сидели у камина. Они долго разговаривали, их разговоры зашли далеко за полночь. Агнесса силилась не спать, но все же сон нахлынул, внезапно и беспощадно. Агнесса помнила, что Элина тоже хотела спать, но заснули они не одновременно.

Утром Элины не оказалось рядом. Лишь потухший камин и не столь завораживающе

сверкающие огоньки при дневном свете печально возвещали об её уходе. Агнесса поняла, что уход состоялся не в больницу. Она все еще была где-то здесь, и в то же время ее не было. Скоро чувство ее присутствия рассеется, ведь она больше не придет.

Агнесса ясно помнила прошедший вечер и ночь, воспоминания вызвали слезы, безудержно хлынувшие на подушку. Родителей тоже не было, вероятно, они увезли тело Элины. Но как ясно чувствовала Агнесса её присутствие среди этой обыденной пустоты! Шли минуты. Мнимое присутствие испарялось.

Через час Агнесса пришла в свою комнату. Рисунок с морем она пристроила над своей кроватью. После открыла толстую книгу о Дэвиде Копперфилде и наполнилась намерением в ближайшее время прочесть её всю.

Ангелы поют песни в ночи,

Яркий огонь догорает.

И всё же уйти...

Здесь звезды по пути сверкали.

Куда уйти? В неизведанные дали...

Новогодняя история.

Однажды в маленькой неприметной деревне жили - были три мальчика. Одного звали Рома, второго Ваня, а третьего Женя. Мальчики с детства дружили, так как жили близко друг к другу. Эти три мальчика были очень любопытными, любили узнавать всякие интересные истории, гулять, исследовать природу и делать полезные дела. Когда наступила зима, ребята много времени проводили на улице, катались на санках, играли в снежки, лепили снежную бабу.

Приближались новогодние праздники, время сказок и чудес. В один солнечный теплый день мальчики пошли в лес, чтобы найти елочку к празднику. Они собрались, тепло оделись, и пошли в свое маленькое путешествие. Долго шли ребята до леса, и, наконец, зашли в него.

Лес был в снежных сугробах, а зимние ветки были усыпаны зимней синевой. С трудом шагая, мальчики тонули в снегу, смеялись и радовались своему приключению. На пути ребята встретили три очень красивые ёлочки, которые им очень приглянулись. Ребята сразу же поняли, что нашли то, что искали, захотели их срубить.

Но у этих елочек их ожидало нечто необычное. Приглядевшись, ребята увидели маленького старичка, который напоминал

дедушку Мороза из маминых рассказов. Мальчишки удивились такой встрече и стояли, онемев. Дедушка оглядел мальчиков, ухмыльнулся и сказал:

- Здравствуйте, мальчики! Я вижу, что вам приглянулись мои елочки, я могу вам их подарить, но за это вы должны сделать мне пару полезных дел. Я стал слишком стар, чтобы выполнять работу, каждый из вас кое-что для меня сделает. Ты, Рома, натопишь мою избушку, ты, Ваня, приготовишь мне обед, а ты, Женя, развлечешь меня, рассказав о жизни современных людей. Засиделся я в лесу, не знаю ничего. Вы согласны?

Ребята переглянулись, подумали и решили, что помочь старому человеку не составит труда. Мальчики и дедушка отправились к избушке. Долго шли они по снежным завалам. Ребята справились с поручениями старичка в два счета: и печь натопили, и обед приготовили, но уходить не торопились, им стало жалко одинокого дедушку. Они срубили ему елочку, нарядили ее, поговорили с ним, рассказали о своей жизни, помогли сделать все домашние дела. Дедушка был очень рад такому знакомству и с удовольствием отдал обещанные елки ребятам.

Друзья добрались домой быстро, часто навешали дедушку, радуя его своими посещениями и гостинцами из дома!

Елизавета Ложкина

Роковое опоздание

I.

Иерусалим. Вечернее небо окутано серой дымкой и, кажется, не предвещает хорошей погоды, а ведь уже конец февраля! Тёплый влажный ветер теребит макушки кипарисов, играет локонами прохожих, рисует оригинальные узоры на миниатюрных поверхностях луж. Воздух наполнен чистотой и свежестью.

По узкой каменистой дороге торопливо идут два подростка. Один из них, высокий и широкоплечий поправляет на шее тёплый шарф, а другой, что пониже и потоньше, подтягивает к подбородку ворот куртки. Чёрная кипа (что выдаёт в нём сына религиозных сионистов) на макушке последнего подрагивает от ветра и грозит улететь со следующим порывом, что заставляет юного еврея нервничать.

- Ну и погодка сегодня!- произнёс он, окидывая прилегающие к дороге сады, любопытным взором ясных карих глаз.

- Ничего странного в ней не вижу. Февраль всё-таки! - отозвался спутник. Его голос из-под шарфа прозвучал глухо и таинственно,- кстати, Рои! Как там запись вашего нового диска проживает? Что-нибудь новое намечается?

-Всё по-прежнему. Запись назначена на третье марта. То есть через неделю она состоится,- ответил Рои, поплотнее запахивая куртку.

- Волнуешься, небось?- улыбнулся собеседник,- как с соло дела продвигаются?

- О, Алишер! - воскликнул Рои, - знал бы ты какое оно сложное...но, зато очень красивое!

- Ясно - понятно, что красивое! Кто бы стал давать тебе что-нибудь ужасное? С твоим-то голосом хоть в оперу идти! – Алишер бросил на друга довольный взгляд.

- Спасибо. – Просто ответил Рои.

- Насчёт сегодняшнего вечера. - Перевёл Алишер разговор на другую тему,- Я просто умираю от желания, чтобы тебе всё понравилось. Конечно, если тебя не сочтут малолеткой, - он с сомнением покачал головой, взглянув на чистое прекрасное лицо друга, одухотворённое чем-то неземным,- то всё пройдёт как по маслу. Мой тебе совет: не шарахайся от того, что тебе, возможно, будут предлагать. Спокойно и, как можно мягче, откажись. Арабы не любят, когда им резко отказывают...

Они прошли ещё около двадцати метров по дороге, а затем свернули на частную территорию. Продравшись сквозь плотную живую изгородь, друзья шагнули на каменную площадку. К ним тут же подлетел большой чёрный комок. Алишер наклонился и ласково потрепал комок за уши.

- Аллистер, поздоровайся с Рои. – Произнёс он, отходя в сторону. Пёс протянул лапу Рои, который довольно её пожал.

- Мой пёсик всегда меня узнает! – гордо сказал Алишер, поворачиваясь к другу.

- Да ладно, верю-верю,- улыбнулся Рои. – А где же компания, интересующаяся тобой день и ночь?

- Не всё сразу, чувак,- усмехнулся товарищ, выпрямляясь и откидывая со лба чёрную, как смоль, чёлку,- однако, мы почти на месте! Эта усадьба,- он указал рукой на огромный старинный дом,- и есть их притон.

- Да ну!- Присвистнул от удивления Рои,- тут так красиво!

- Арабов не знаешь, дружище! – гордо ответил Алишер.

Они пересекли площадку и вошли в одну из боковых дверей здания. Оказавшись в широком, но плохо освещённом коридоре, оба застыли, так как звук, раздавшийся откуда-то снизу, заставил их напрячься.

- Это ружейный выстрел!- шепнул Алишер.

- Жуть какая. Тут всегда такая напряжёнка?- так же шёпотом отозвался Рои.

- Адреналинчик не помешает,- мрачно усмехнулся Алишер, с тревогой глядя на друга. «Зачем я привёл его сюда?- подумал он,- Рои ведь еврей, а здесь собираются арабы, кто знает, что может случиться? Хотя я

предупреждал их... Рои - настоящий друг, он ничего не выдаст...»

Они ещё несколько минут постояли возле двери, а затем начали спускаться в цокольный этаж дома по лестнице, начинающейся в ответвление коридора.

II.

-Мир вам! - Алишер с лёгкой, немного напряжённой улыбкой обвёл взглядом своих друзей-приятелей, в разных позах, расположившихся за небольшими столиками в небольшом, уютном помещении.

- Салям аллейкум! – отозвалось несколько голосов.

-Это твой друг, Алиш? - высокий черноволосый палестинец подошёл к Алишеру и крепко пожал ему руку. Затем он с интересом взглянул на Рои, который явно чувствовал себя не в своей тарелке.

- Проходите сюда!- позвал парень, сидевший в глубине комнаты на мягкой подушке.

Рои между тем пожимал руки арабам. Когда он протянул руку низкорослому широкоплечему палестинцу с большими раскосыми глазами (большому приятелю Алишера), тот демонстративно отвернулся и прошипел сквозь зубы:

- Избавь меня от своего присутствия!

- Перестань, Джамиль! - донёсся со стороны низкий голос,- Рои, как не крути, наш гость.

- Не указывай мне, что делать! – взвился Джамиль, - он ваш гость, но никак не мой!

Рои слегка сжался и бросил на дверь быстрый взгляд. Алишер перехватил его взгляд и нахмурился.

- Что тут происходило? – Перевёл он разговор на безопасную тему,- когда мы вошли, то слышали ружейный выстрел.

Джамиль бросил на стол карты, которые он до этого нервно крутил в руках:

- Пробовали моё новое ружьё! – он недобро посмотрел на Рои и тихо добавил,- чтобы потом его к таким выродкам применять!

На лице Рои не дрогнул ни единый мускул, хотя внутри у него всё просто вопило: «Скорей отсюда! Скорей!»

Палестинец, который встретил их приветливо сказал, обращаясь к Рои:

- Хочешь сыграть со мной в карты? Вон тот столик свободен. Пошли!

Рои напрягся:

- Я не играю. Спасибо.

Алишер присел к Джамилю, но услышав слова друга, вскочил:

- Рои-сионист! Он не играет, я же говорил.

- Не будет же он скучать тут весь вечер!- возмутился палестинец,- Рои, давай! Это не так плохо, как ты думаешь!

- Да что вы выётесь вокруг него!- Джамиль выпрямился,- пусть он валит на все четыре стороны, если не хочет быть, как мы.

- Пошли тогда поговорим. – Не отступал всё тот же палестинец,- я ещё сейчас приготовлю коктейль. Уверен, что он тебе понравится!

Рои внутренне застонал. Куда он попал? Жуть какая-то. Он посмотрел на Алишера, который, дружелюбно улыбнулся ему и кивнул, усаживаясь напротив Джамиля и раскладывая карты.

Когда всё это закончится? Рои посмотрел на свои наручные часы. Всего лишь половина восьмого. Что он будет делать здесь всё это время? Он огляделся. Какой-то араб пересчитывал деньги, вероятно только что выигранные, так как парень, сидевший напротив него, выглядел недовольным и раздосадованным. Невдалеке от них, запустив пятерню в густую шевелюру, что-то быстро записывал совсем юный мальчик. На вид ему было лет шестнадцать. Впрочем, как и мне, подумал Рои. Все парни в комнате не выглядели старше двадцати трёх лет. Самому старшему было, пожалуй, года двадцать два.

Палестинец, видно, взявший на себя опеку надРои, вернулся, неся два бокала, наполненных тёмной красноватой жидкостью.

- Всемогуший Аллах! – воскликнул он, пытаясь хлопнуть себя по лбу, но так как при двух занятых руках сделать это было сложно, он обошёлся закатыванием глаз,- я же до сих пор не представился! Впрочем, - заметил он

осторожно,- не знаю, видишь ли ты в этом нужду.

Джамиль поднял голову, чтобы что-то сказать, но тут в кармане Рои раздался телефонный звонок. Принимая вызов, Рои заметил бешенство в глазах Джамии и понял, что делает что-то не так.

- Я слушаю! – произнёс он, отворачиваясь от злого араба,- Сейчас? Я постараюсь... м-м-м... да, да!.. Спасибо. Буду через минут тридцать.

Он засунул телефон в карман брюк и сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

- Мне срочно нужно домой. Сестрёнка заболела и нужно с ней посидеть. Алишер, ты со мной? – Рои не хотел смотреть в сторону Джамии, чтобы не видеть его колкого взгляда, но всё же, не удержавшись. Он взглянул.

Тонкие губы Джамии расплылись в презрительной усмешке:

- Маленький сынок!

- Джамиль, что лично я тебе сделал? – прямо глядя ему в глаза, спросил Рои.

Лицо араба посерело, кулаки сжались, а глаза сверкнули стальным блеском. Алишер вскочил на ноги, пытаясь предотвратить ссору:

- Пошли, Рои!

- Думаю, что это будет лучшим вашим решением за весь этот вечер!- с сарказмом бросил Джамиль, с трудом сдерживаясь от более резких слов.

Рои и Алишер, попрощавшись с остальными парнями, вышли на прохладную улицу. Алишеру было неловко наедине с другом. Но Рои его ни в чём не обвинял. Он похлопал Алишера по плечу и сказал, задумчиво глядя вдаль:

- Я всё понимаю, Алиш. Не обвиняй себя ни в чём. Арабы и евреи враждовали, враждуют и будут враждовать всегда. Хотя... , - он с улыбкой посмотрел на друга, - мы-то с тобой нашли общий язык. Ты мой лучший друг, Алиш.

- И всегда им останусь, ровно, как и ты для меня. Спасибо, Рои. Ты один всё понимаешь. — Он остановился и крепко сжал его руку.

- Друзья навеки? - спросил Рои.

- Навсегда! - дрогнувшим голосом подтвердил Алишер.

III.

На следующее утро Рои проснулся с болью в голове. С чем это связано? Обычно утром он чувствовал себя прекрасно... Ах, да! Вчерашний вечер вывел его из равновесия. Эта ужасная агрессия Джамиля выбила его из колеи. Рои хорошо понимал, что вчерашний вечер мог закончиться не наилучшим образом, и был благодарен маме, что та уехала к кухне, и с сестрёнкой кроме него некому было сидеть.

Он сладко потянулся, а затем вскочил с постели. После лёгкого завтрака парень

помчался на репетицию хора. Но, при всей его любви к пению, он просто никак не мог на нём сосредоточиться. Рои беспокоился за Алишера. Где он? Как? Почему не позвонил, как обещал вчера? Неужели он опять в этой компании? Конечно, парни-арабы неплохие, но стоит ли за компанию с ними растрачиваться на азартные игры, будоражащие напитки и прочее?

После репетиции он со своим приятелем Йонатаном отправились на поиски Алишера. Его телефонный номер не был доступен, что ещё больше встревожило Рои.

Йонатан, шедший рядом с ним, только мешал:

- Ты ему что, няня что ли? Зачем ходишь за ним?

- Я переживаю за него. – Кратко бросал Рои.

Наконец Йонатану стало скучно, и он покинул приятеля, даже не дойдя до арабского квартала.

Медленно шагая по улицам города, Рои бросал внимательные взгляды по сторонам. В каком-то кафе должен быть Алишер! Он интуитивно чувствовал, что друг где-то рядом. Вот только где?

Уставший и продрогший от долгой ходьбы, Рои завернул в уютное маленькое кафе, спрятанное в глубине между деревьями, где он намеревался немного отдохнуть. Шагнув в помещение, парень понял, что внешность кафе обманчива. Внутри оно выглядело слишком простым, и зал был обставлен очень скудно.

За барской стойкой сидел молодой парень. Он выглядел уставшим и недовольным. Рои заказал стакан горячего какао и два бутерброда. Оглядываясь в поисках свободного столика, он только теперь заметил большую группу парней, сидевших в дальнем углу помещения. Они были очень возбуждены. Возможно, это было связано не только с игрой. Один из парней, усердно жестикулируя что-то объяснял, а другой пытался его переубедить. Явно назревала крупная ссора, и это в лучшем случае. В последнем Рои с ужасом узнал Алишера. Парень был явно под градусами, да к тому же немалыми.

Несколько секунд Рои стоял в нерешительности, не зная, что предпринять. А затем, отбросив все сомнения, уверенно направился в сторону шумной группы. Ещё издали его заметил Джамиль, который также находился в состоянии опьянения, что делало его ещё более злым:

- Смотрите, парни!- заорал он, - кто это к нам явился? Уж не само ли ниспосланное Яхвой солнце, которое будет нас просвещать и учить уму-разуму?

Все, как по команде повернулись к Рои. Тот замер на месте в смущении. Обычно он никогда не нарывался на грубости. Старался избегать подобных столкновений. Ему всегда казалось, что его в таких состязаниях втопчут в землю или размажут по ее поверхности. Он со своими

друзьями из Ешивы (религиозная школа) обходили стороной подобных людей. Но теперь его втягивают в ссору, причём из-за Алишера! Рои не обвинял друга, сидевшего за столом и смотревшего на него неприятным взглядом. Он только произнёс:

- Пойдём, Алишер!

- Зачем ты здесь? - с неприязнью ответил друг. Смуглые палестинцы, кто равнодушно, кто с интересом или удовольствием наблюдали за развивающейся драмой. Все ясно понимали, что Рои спокойно не уйдёт, тем более с Алишером.

А Джамиль между тем, мрачно улыбаясь, продолжал:

- Никуда Алиш с тобой не пойдёт. Можешь и не рассчитывать. Он останется с нами. А ты-убирайся!

- Мне нужен Алишер! – упрямо отозвался Рои,- он в ужасном состоянии, посмотрите сами!

- Мы без тебя, сопляк, разберёмся, что делать с Алишером. Он наш брат, а не твой. Усёк? – это подал голос высокий, черноглазый араб.

Рои с надеждой смотрел на друга, он-то должен прислушаться к его словам! Но Алишер безмолвно, будто его лишили всех сил и воли, вяло наблюдал за перепалкой. А между тем, два палестинца, обойдя Рои, встали за ним, тем самым не давая ему возможность покинуть их угол. Рои с болью посмотрел на друга. Затем

перевёл взгляд на Джамиля. Тот рассматривал свои кулаки. Наверное, он прикидывает, какую силу надо приложить, чтобы удачно размазать меня по стене, с тоской подумал Рои.

И он решил попробовать сначала:

- Мне нужен только Алишер. Я хочу позаботиться о нём.

- Мы сами в силах это сделать! - рывкнул Джамиль.

- Разве вы не видите, что ему плохо? - настаивал Рои.

- Ты плохо слышишь? – прошипел араб. - Вали!

- Но... - начал было Рои, но Алишер перебил его, лениво перебирая карты:

- Не стоит за меня заступаться. Я сам могу о себе позаботиться. – Его голос был чужим и холодным.

- Алиш, что с тобой??- с тревогой спросил Рои.

- Уходи!

- Мне уйти? – Рои не хотел оставлять друга. Он понимал, что в нормальном состоянии Алишер никогда бы его не отталкивал. Его нельзя оставлять здесь! Нельзя.

- Слушай, ты мне надоел. – Джамиль принялся закатывать рукава чёрного джемпера,- меня напрягает твоё присутствие, догоняешь, а?

- Вот-вот!- подтвердил Алишер.

- Я...- Рои осёкся, так как Джамиль поднялся из-за стола и шагнул в его сторону.

- Ты доконал меня, еврей! Ты почему не убрался, когда я тебе говорил? А?- Джамиль резко вытянул вперёд руку, и его кулак врезался в подбородок Рои. Тот отпрянул, едва не потеряв равновесие. Арабы вокруг притихли. – Ты меня ещё вчера задрал со своим наивненьким взглядом! – Джамиль наклонился к лицу бледного Рои и прошипел сквозь зубы, - евреи убили моего отца и сестру, и за это я буду мстить, дико мстить!- с этими словами он двинул Рои в живот, а затем с силой ударил по лицу.

Рои, застонав, откинулся назад. Но в эту же секунду кулак с ужасающей силой прорезал воздух и врезался ему в нос. Потеряв все силы, парень упал на пол, пребольно ударившись головой о плиточный выступ. Чернота накрыла его тёплой волной, и он отключился на несколько мгновений.

- Прекратите! – подскочил к ним неизвестно откуда взявшийся хозяин кафе, - перестаньте сейчас же! Что вы себе здесь позволяете?!

Джамиль хмуро смотрел на неподвижного парня, и по его лицу расплзалась странная улыбка. Он повернулся к Алишеру. Тот широко раскрытыми глазами смотрел на Рои.

- Хочешь прикончить его, да?- спросил равнодушно молчавший до этого араб с тонкими губами.

- Это решать только мне! - не взглянув на говорившего, прошипел Джамиль. Затем он

повернулся и вышел вон из кафе с высоко поднятой головой. Некоторые арабы, в числе которых был и Алишер, поспешили за ним.

Остальные склонились над бесчувственным парнем на полу.

- Ужас, что с его красивым лицом!- поразился самый младший.

- Тише... Он приходит в себя!

Рои медленно приоткрыл глаза.

- Как ты, парень?- осторожно спросил угрюмый палестинец с чёрными толстыми бровями.

Когда взгляд Рои сфокусировался, он сумел различить лица склонившихся над ним.

- Почему ты не ударил его? – спросил один из парней,- ты, видно, крепкий малый!

- Я не мог,- с трудом ответил Рои,- его отца и сестру убили евреи. А ведь я тоже еврей.

IV.

Стемнело. Алишер, едва держась на ногах, пробирался следом за друзьями по узким улицам арабского квартала. Все они спешили в вечерний клуб, расположенный на юге Иерусалима. Сегодняшний вечер обещал быть особенно интересным, так как из Тель-Авива должна была прибыть известная рок-группа.

- Эй, парни!- крикнул какой-то сарацин, когда они подошли ко входу в клуб,- здесь вход платный!

- Ясно, понятно,- проворчал Джамиль, вытягивая из кармана пачку банкнот,- я плачу за всех вас.

- Нет проблем. Спасибо. – Отозвались друзья, подтягиваясь поближе.

Они шагнули в полутёмный зал, нашли свободный столик и подозвали официанта, лицо которого было почему-то испуганным. Заказав напитки и закуску, парни с наслаждением окунулись в беседу.

Алишер сидел, вспоминая сегодняшний день. Угрызения совести не давали ему спокойно жить. Он видел перед глазами побелевшие губы друга, его расширенные глаза, а затем неподвижное тело на полу в неестественной позе. Что я наделал? Почему так жестоко поступил с ним? Ведь он в тысячу раз лучше таких, как, например, Джамиль, который не остановится не перед чем, ослеплённый ненавистью.

Тревожное чувство с новой силой охватило его, когда он услышал сдержанный шёпот за своей спиной. Аккуратно обернувшись, он увидел, что за соседним столиком сидят трое мужчин. На лицо говорящего падала тень, и Алишер не сумел разглядеть его. Алишер положил голову на руку и замер, прислушиваясь к его словам:

- В начале марта Аба-Дхейм сделает то, что мы планировали. За это он получит свои деньги, если, конечно, сможет продержаться.

- Но, а как же маска для него? – спросил рядом сидящий араб с глубоким шрамом на лице,- ты позаботишься об этом?

- Конечно. Всё уже готово.

- У меня с этим раввином старые счёты. – Прохрипел третий, с ненавистью разглядывая ни в чём неповинный бокал.

- Понимаю. Мы уже разработали весь план действий. – Продолжил первый, что-то чертя на салфетке. Дальше он заговорил так тихо, что Алишер при всём своём остром слухе ничего не услышал.

- Алиш, что с тобой? – к нему наклонился один из приятелей. – У тебя ужасное выражение лица. Тебе плохо?

Джамиль поднял голову и внимательно посмотрел на него. К удивлению Алишера он ничего не сказал, лишь пренебрежительно улыбнулся. Алишер снова осторожно повернулся. Один из арабов исчез. Как раз тот, что со шрамом. Два других, поглощённые разговором, ничего не замечали.

- Да- да,- говорил один,- это будет в марте. Осталось чуть больше недели.

- В какой Ешиве тот раввин? – спросил другой.

- Кажется, в “Мерказ ха-раве”.

Алишер так побледнел, что теперь забеспокоились все приятели.

- Тебе определённо дурно. – Вынес диагноз один из них. – Тебе не хочется домой?

- Нет. Нет. Сейчас всё пройдёт. – прошептал Алиш, закрывая лицо руками. «Аллах помоги мне! Ведь это Ешива Рои! Нужно срочно предупредить», - Алишер, пошатываясь, поднялся со стула.

- Нет, Алиш,- Джамиль взял на себя роль отца,- в таком состоянии, причём один, ты никуда не пойдёшь. Посиди, может, тебе станет лучше.

- Но...

- Я сказал. – Джамиль окинул его холодным взглядом, не терпящим возражений.

Алишер медленно опустился на стул, положил голову на стол, и через несколько секунд отключился. Друзья вокруг шумели и смеялись, а Алишер спокойно спал. Очнись, Алиш! Твой друг в опасности! Позаботься о нём так, как это делал он, переживая за тебя! Проснись же!

Но Алишер повернул голову, поудобнее устроился и заснул ещё крепче.

V.

В это утро Рои не задержался перед зеркалом. Ему не на что было смотреть, кроме как на распухшие скулы и нос, да огромные синяки вокруг глаз. Он торопился на работу к отцу. Тот ещё вечером пообещал отвезти сына в Хайфу, где должна была состояться запись диска.

Пристёгивая ремень безопасности, отец с тревогой следил за сыном.

- Ты уверен, что всё будет нормально? Рои, ты, конечно, выглядишь лучше, чем после драки, но твой нос... Может, нам всё же следует обратиться к врачу?

- Нет, - твёрдо отозвался парень, - всё хорошо. Вот только маме не говори об этом, ладно? Она очень расстроится. Кстати, когда она приезжает?

- Пятого марта я встречу её в аэропорту. Хочешь поехать со мной?

- Конечно, пап. О, это уже через два дня.

- Надеюсь, ты к этому времени будешь выглядеть лучше. — Мягко улыбнулся отец. Рои улыбнулся в ответ. Внезапно отец посерьёзнел:

- А как у тебя дела с Алишером?

Рои молча отвернулся к окну, но отец успел заметить боль в его глазах.

- Что, всё так сложно?

- Больше чем. — Глухо ответил сын. — Но давай не будем об этом сейчас говорить.

Отец задумчиво кивнул. Он безмерно любил сына, и не мог молча наблюдать, как тот мучается. Поэтому ему хотелось встретить Алишера и поговорить с ним по-хорошему. Но, к счастью для обоих, Алишера он не встречал, а если бы и встретил, то разговор прошёл бы не только по-хорошему.

Наконец, вдалеке показались высотные здания Хайфы, и через несколько минут машина въехала на дорогу, представляющую собой

аллею пальм и кипарисов. Всю оставшуюся дорогу они проехали в молчании. Остановившая машину возле огромной израильской звукозаписываемой студии, отец произнёс:

- Успехов тебе, Рои. Надеюсь, все эти болячки никак не отразятся на твоём голосе.

Рои только слабо улыбнулся в ответ, и, выбравшись из машины, помахал рукой. Отец наблюдал, за тем, как он перемахнул через изящную низкую ограду, игнорируя нормальный вход, и поспешил к двери здания. Затем отец, подавив лёгкий вздох, развернул свой лендровер и помчался по дороге, поднимая клубы жёлтой пыли.

- Рои! Подожди меня!

Рои обернулся и заметил друга Джеймса, мчавшегося следом за ним. Они крепко пожали друг другу руки.

- Мы хотели заехать за тобой сегодня,- сказал Джеймс,- но твой отец сказал, что сам отвезёт тебя.

- Он мне ничего не говорил. – Удивился Рои.

Оба парня вошли в здание и прошли в гардероб, где уже толпились остальные хористы. Никто из них не удивился виду Рои, так как на последней репетиции они устроили другу целый допрос, пытаясь выяснить, кто нанёс последнему такой урон. Но Рои не хотел говорить об этом, как не старались приятели. Наконец они отстали, грозясь, однако, при

первой же возможности всё узнать и нанести обидчику сокрушительный моральный удар.

- Я знаю, как это сделать,- с таинственным видом говорил Мордехей, поразительно красивый еврей, поющий обычно с Рои дуэт,- нужно загнать его в угол и обвинить в том, чего этот мерзавец не делал. Это сработает.

Авраам Фридеман, руководитель хора, услышав слова Мордехея, только раздосадовано покачал головой. Не этому он учил их.

Наступил волнующий момент. Все собрались в одном из наиболее удобных помещений и с комфортом расположились на стульях. Оркестр находился чуть поодаль. Рои сердцем не присутствовал на записи. Все его мысли снова были о Алишере. Что с ним происходит? Почему он стал таким грубым? Что связывает его с этой сомнительной компанией?

А между тем запись продолжалась. Были спеты уже около пяти песен. Началась шестая. Именно в ней у Рои была наисложнейшая партия. Джеймс протянул ему свой микрофон, и Рои взял его дрожащими от волнения пальцами. Заиграло красивое вступление. Саксофонисты завывали на своих инструментах, гитарист брал красивые минорные аккорды. Наступила идеальная тишина, в которой Рои должен был начать петь. Перед глазами у парня снова появился Алишер с холодным взглядом и Джамиль с

презрительной улыбкой. К горлу подкатил ком, и Рои закашлялся. Все с ужасом повернулись к нему. Рои портил всю запись! Авраам Фридеман дал знак остановиться. Звукооператор поставил запись на паузу.

- Что случилось?- спросил недовольно дирижёр оркестра.

- Ничего особенного. – Отозвался Авраам, регент хора. Наш солист сегодня не совсем в форме. Рои, тебе нужно немного отдохнуть. Ты выглядишь усталым. Присядь. Мы без тебя исполним песни: «Yizkarem» и «AlHashim». Когда ты почувствуешь себя лучше, мы запишем и эту.

Рои вышел из студии на улицу. Прохладный ветерок освежил его разгорячённое лицо. Он опустился на изящную тонкую скамейку и закрыл лицо руками. «Ах, Алишер! Почему именно сейчас ты мне так нужен?- с тоской подумал он.- Но, так как сейчас я ничего исправить не могу, нужно расслабиться и получать удовольствие от пения, как раньше» - здраво решил Рои.

Когда он вернулся в студию, то чувствовал себя намного лучше. Без проблем, просто прекрасно исполнил своё соло, чем привёл в восторг своего руководителя.

- Ты никогда не пел так хорошо, как сегодня! Молодец! – восхитился он.

Остальная запись прошла гладко, и после неё уставшие и возбуждённые хористы решили до

приезда своих родителей отметить это дело в ближайшем ресторанчике.

Шумной гурьбой они ввалились в помещение, и, сдвинув вместе столики, расселись за ними. Официант, принимая заказы, попросил вести их себя потише, так как в соседнем зале ресторана празднуется какое-то торжество, вероятно день рождения. На это Мордехей высокомерно заметил, что у них тоже торжество, и это тем нужно держать себя в узде.

- Но...- замешкался официант,- там... арабы. Причём их немало.

Но его уже никто не слушал. Мальчишки отводили душу, хохоча безумолку над друг другом, делясь последними новостями, поотчивая друг друга остроумными шутками при этом ведя себя не наилучшим образом.

Мимо них прошло два высоких, модно одетых палестинца. Они с неудовольствием и лёгким раздражением посмотрели на весёлую компанию. Внезапно один из них подтолкнул другого и указал на Рои. Оба с изумлением покачали головами и пожали плечами.

На улице, доставая сигарету, первый произнёс:

- Ты представляешь, что сделает с ним Миль, если увидит здесь?

- Мне интересно на это посмотреть, но я не думаю, что всё хорошо закончится для мальчика. – Отозвался второй. - Впрочем, нас это не касается. Дай-ка мне зажигалку.

VI.

А мальчишки расшумелись вовсю. Дошло до того, что Джеймс, в паре с Йонатаном на спор затянули еврейскую народную песню, чем в конец вывели из себя пирующих рядом. В помещение к хористам ворвались три огромных араба.

- Что вы себе здесь позволяете?- прорычал один из них.

- Мы празднуем. – Спокойно отозвался Рои.- Или это запрещено?

- Если вы празднуете рядом с нами, ведите себя тихо!- проскрежетал зубами другой араб.

- Но ведь и вы шумите!- Выкрикнул Джеймс.

- В чём тут проблема?- к арабам присоединился, о, ужас! Джамиль.

Рои сжался, как от удара, и отвернулся.

- Кажется, я тут с кем-то знаком!- развеселился между тем Джамиль.- Рои, не хочешь поздороваться? О, да с нашей последней встречи ты заметно похорошел! Мне нравится! Тебе так только идёт!

- Перестань, Джамиль. – Прервал его Рои. Араб нахмурился:

- Тебе что-то не нравится?

- Именно.

- Слушай, пойдём к нам, а? Посидишь, отдохнёшь в культурном обществе. Кстати, Алиш тоже тут.

- Ну и совпадение!- присвистнул Джеймс.

Рои просто не узнавал Джамиля. Как он изменился за эту неделю! Один из рядом стоящих с Джамилем тоже это заметил.

- Меня кое-что утешает. Я просто более сведущ в делах нашей братии, чем ты. — Ответил ему Джамиль.

Рои не слышал этого, но заметил, как злая радость мелькнула на лице говорившего.

В залу вошли ещё четыре палестинца. Среди них был и нетрезвый Алишер. Увидев друга, он посерел. Опять его совесть тут!

Палестинцы сели за столики недалеко от евреев и закурили. Они вели себя очень вызывающе, многозначительно поглядывая на еврейских мальчиков.

Наконец приехало несколько родителей за своими детьми из Эйлата и Тель-Авива. Большая часть хористов, попрощавшись с друзьями, разъехалась.

Палестинцы, рассевшись вокруг оставшихся, принялись их дразнить. Джамиль явно пытался вызвать Рои на ссору. Но тот к разговору не был расположен. Он молча сидел за столиком, иногда обмениваясь парой слов с Джеймсом, который был очень напряжён из-за сложившийся ситуации.

- А вы знаете,- начал Джамиль,- что самый Ариэль Шарон — самый неадекватный президент в мире?

- На своего ИбнаСауда посмотрите!- сдержанно отозвался Джеймс.

- Зачем вы так говорите?- тихо спросил Рои,- ведь вы живёте в нашей стране!

- Это мы-то?!- прорычал Джамиль,- а не чё, что это вы украли нашу территорию?!

- Поддерживаю.- Вмешался Алишер.- Израиль-кусочек нашей страны!!

- Ошибаешься.- Мягко ответил Рои.- Это наша страна. И президент у нас прекрасный.

- Ха! – насмешливо бросил Джамиль, - не пора ли тебе вырасти из веры в сказку о добром царе-батюшке?

Глаза Рои загорелись:

- Как тебе ещё не надоело оскорблять меня?

- Хватит грубить мне!- процедил сквозь зубы Джамиль,- не дорос ты ещё.

- Рои. Джамиль прав. – Алишер вилкой подцепил кусок мяса и отправил его в рот.

Рои с недоумением посмотрел на него. С каких это пор Алиш стал смотреть в рот Джамиллю? Раньше он такого не наблюдал.

- Алишер, имей своё мнение. – С горечью укорил он друга.

Все замерли. Друзья-евреи напряглись в ожидании бури, арабы застыли, стараясь предугадать, что же произойдёт дальше. Алишер оттолкнул от себя тарелку, схватил столовый нож и нервно закрутил его в руках. Джамиль, предвкушая ссору, заулыбался.

- Может, выйдем, поговорим?- с надеждой посмотрел на Алишера Рои.

- Я с тобой никуда не пойду.

- Но... почему?

- Да потому, что он переставил свои приоритеты. — Ответил Джамиль вместо Алишера.

- Тебе было плохо, когда ты дружил со мной? — всё ещё не теряя надежду на примирение, спросил Рои.

- Конечно. Я не видел нормальной жизни. — Ухмыльнулся Алишер.

Рои застыл с таким лицом, будто его ударили по голове. Потом он медленно выбрался из-за стола и направился к выходу.

- Ты куда это? — окликнул его Джамиль. — Ах, да! Невежливость — нормальное поведение у еврейских выроdkов.

Рои окаменел. Потом он медленно повернулся к Джамилю и произнёс тихо и веско:

- Джамиль! Это говоришь ты, который забрал у меня настоящего друга, сломал его. Ты лишил его воли и подчинил себе. Это низко и подло.

Алишер вскочил с диким взглядом:

- Кто это меня лишил воли?! Что ты лопочешь?! Не смей так говорить!! Я всё тот же! Неужели ты не видишь этого!

- Нет. Я не вижу! Верни мне моего настоящего Алишера! — воскликнул Рои, и слёзы блеснули у него на глазах. — Что ты сделал с собой? Зачем?

- Ах, замолчи же наконец! — рассвирепел Алишер и глаза его загорелись недобрым огнём, — перестань рвать душу! — и, не сообразив,

что делает, он схватил со стола нож, и, размахнувшись, бросил его в остолбеневшего Рои.

Все ахнули. Нож просвистел в воздухе и на секунду застрял в щеке Рои, а затем глухо ударился о кафельный пол.

Тонкая струйка алой крови поползла по лицу Рои.

- Что я наделал!- простонал Алишер, без сил падая на стул.

VII.

Прошло три дня. Все эти дни Алишер ужасно мучился. Ему было так стыдно перед другом, что он напрочь забыл о подслушанном в клубе разговоре. Да к тому же он со всей компанией уехали в Эйлат, где должны были состояться состязания на катерах. Джамиль старался изо всех сил, стараясь отвлечь друга от беспокойных мыслей. Но ему мало что удавалось.

- Забудь его,- говорил он,- этот еврей для тебя не друг! Вот то-то дело я!

В конце концов, такими разговорами Джамиль вывел Алишера из себя. Не выдержав, он вспылил:

- Да! То-то дело ты! Бросаешься в драку и унижаешь тех, кто намного младше тебя! Выливаешь свою ненависть и злость на того, кто ничего тебе не сделал! Ты ищешь любого

повода для ссоры, из которой обычно выходишь победителем. Ты тешишь своё тщеславие, когда тебя боятся и не любят. Ты думаешь, что умён и остёр, в то время как ты противен и мерзок! Я больше не хочу иметь ничего общего с тобой!

Джамиль молча смотрел на него своими огромными раскосыми глазами, а потом прошипел:

- Убирайся! Но потом ты пожалеешь об этом! Помяни моё слово! А со своим Рои ты уже никогда не помиришься!

- Ты не знаешь его!- Крикнул в ответ Алишер,- Ах! Зачем я только связался с тобой! – и Алишер помчался прочь.

Не разбирая дороги, он мчался по набережной, сбивая людей и спотыкаясь обо всё, что попадалось под ноги. Его губы открывались только для трёх коротких слов: «Только бы успеть!»

Возле речного вокзала он налетел на какую-то пожилую даму в изящной шляпе.

- О, молодой человек!- засмеялась она,- если Вы так спешите ко мне, то пойдёмте в кафе! Я угощу Вас мороженым. В такой прекрасный день грех им не полакомиться!

Будь это в другое время Алишер бы оценил её великодушие, но сейчас... От него зависела жизнь Рои, а также его личный душевный мир.

- О, нет! Спасибо! Я очень тороплюсь!

С этими словами он понёсся дальше, не оглядываясь. Добравшись до автобусного вокзала, он чудом успел купить билет на последний автобус в Иерусалим. Усаживаясь в комфортное кресло, он посмотрел в окно. За ним растилась прекрасная картина: невысокие здания, прижимающиеся к холмам, порозовели от лучей заходящего солнца, ярко-зелёные кипарисы и пальмы подставляли свои макушки тёплому влажному ветру, вдалеке длинной полосой синело море, а портовые здания и суда дополняли пейзаж. «Как красиво! – вздохнул Алишер, – жаль, что Рои не со мной, он обожает такие картины».

Двери автобуса с шипеньем затворились, и он медленно тронулся. Алишер с тоской посмотрел на часы. Почему автобус такой тормоз? Ах, как ему хотелось увидеть сейчас Рои, попросить за всё прощения! Он не постыдился бы встать на колени. Вот только... простит ли ему Рои?

Алишер представил, как он подходит к Рои. Они будут смотреть друг другу в глаза, и Рои всё поймёт. Без слов. Он самый, что не есть прекрасный друг. Подобного никогда и нигде не найти... Алишер и не заметил, как заснул под тихое покачивание автобуса и негромкую музыку по радио.

- Эй, парень! Проснись! – Алишер ничего не понимая открыл глаза. Какой-то мужчина тряс его за плечо. – Проснись же наконец!

- Мы в Иерусалиме?- потягиваясь, спросил Алишер.

- Нет. Слушай, какие новости передают по радио!!

Алишер оглянулся на пассажиров автобуса. Все сидели с побелевшими лицами. Он прислушался. Между тем возбуждённый диктор вещал:

- Сегодня в четырнадцать сорок пять в Ешиву“Мерказ-ха-рав” ворвался вооружённый террорист. По некоторым сведениям он искал влиятельного раввина, преподающего в учебном заведении. Но, не найдя его, террорист открыл беспорядочную стрельбу. На месте погибло восемь еврейских мальчиков, госпитализировано семеро, трое из которых находятся в тяжёлом состоянии. Нам не известен точный список погибших и раненых. О них мы сообщим позже. Так же известно, что террорист был один, и он был уничтожен офицером ЦАХАЛа, проживающим неподалёку и прибежавшим в Ешиву на звук выстрелов. Расследование ведётся органами секретной израильской службы.

Лицо Алишера стало таким бледным, что сидевший рядом мужчина испугался:

- Тебе чем-то помочь?

- Рои!!!- в ужасе закричал Алишер,- Рои!

VIII.

Едва переставляя ноги, Алишер бежал к дому Рои. Может, он всё-таки ошибся? Может, Рои жив?

Возле большого двухэтажного коттеджа он остановился. Все окна были плотно зашторены, а на подъездной площадке дома стояло около десятка полтора машин. Он медленно поднялся по ступеням и осторожно постучал в дверь. Через минуту послышались шаги, и дверь медленно открылась. На пороге стояла мать Рои. Её лицо было таким серым, что даже приобрело землистый оттенок. Увидев Алишера, она с трудом произнесла:

- Алиш... Ты тоже знаешь? – она протянула ему руку, и парень ухватился за неё, как за спасительную соломинку. – Ты хочешь взглянуть на него?

- Так он жив?! – едва не закричал от радости Алишер.

- Он... проходи в его комнату. Там сейчас никого, кроме сестрёнки нет.

Алишер, перепрыгивая через две ступеньки, поднялся по лестнице в комнату друга. Медленно приоткрыв её, он шагнул внутрь. На постели, откинув голову на подушку, лежал Рои. Его глаза были плотно закрыты, а на губах застыло детское выражение покоя и защищённости. Рука, с тонкими длинными пальцами лежала на одеяле. А между ними лежала полураскрытая роза.

- Рои! – простонал Алишер, падая на колени возле кровати, - Рои! Прости меня, прости! Это я убил тебя! Я! Рои, ответь мне!

Но Рои безмолвно лежал на постели, и в его нежном лице не было ни единой кровинки, лишь резко выделялась длинная глубокая царапина на щеке.

- Рои! Я так виноват перед тобой! Рои! Ну почему ты не отвечаешь? О, Рои! Ты всегда был так добр ко мне, а я...- он глухо зарыдал, уткнувшись лицом в простыню.

Мягкая рука опустилась на плечо Алишера, и он, подняв заплаканные глаза, увидел мать Рои.

- Спасибо тебе, Алишер! – с чувством сказала она, с трудом сдерживая внутреннее волнение, - ты всегда так любил Рои. Ты был для него настоящим, лучшим другом!

- Вы ничего не знаете!- Алишер сбросил её руку с плеча и вскочил на ноги,- это я его убил. Я! Понимаете?

- О, нет, Алишер, не ты его убил,- твёрдо ответила женщина, нервно сжимая платочек, - не ты!

- Вы не знаете! – дико глядя на неё, закричал Алишер, - не знаете!

И он, как подстёгнутый, бросился вон из этого дома. Дома, где его всегда любили, ждали и уважали. А что сделал он им? Облил грязью их сына? Втоптал в грязь прекрасные чувства дружбы, взаимопонимания? Нет, он не достоин видеть их когда-либо, и вообще, жить

в этой прекрасной стране, где жизнь евреям отравляют такие, как он!

Прошло несколько недель. Всё это время Алишер мучился ужаснейшими угрызениями совести. То он винил во всём себя, то Джамиля, то снова себя. Жизнь потеряла для него всякий смысл. Он бесцельно бродил по городу или сидел в какой-нибудь грязной забегаловке, мрачно глядя в одну точку. « Ну почему, почему я не предупредил его тогда, что намечается теракт? - терзал он себя, - ведь я бы смог остановить весь этот ужас... Ну почему, почему?»

В одно прекрасное апрельское утро Алишер сидел в парке на скамейке и задумчиво смотрел на прохожих. «Все они куда-то спешат и не знают, как мне больно и как мне тяжело!» - думал Алишер, не замечая, как по его щекам ползут горячие слёзы. Вдруг на аллее он увидел парня. Тот также никуда не спешил. Медленно прогуливаясь, он смотрел на облака, плывущие по небу, траву, пробивающуюся между камнями. Алишер внимательно смотрел на него. Эти большие раскосые глаза, тонкие красивые губы, недовольно поджатые, широкие плечи, неторопливая походка... Джамиль!

Тот тоже его заметил. Медленно, не торопясь, он подошёл и присел рядом. Они не протянули друг другу рук, и некоторое время сидели молча. Наконец, Джамиль нарушил молчание:

- Прекрасная погода, не правда ли?

Алишер с изумлением посмотрел на него, а затем равнодушно пожал плечами:

- Да, наверное.

Они снова замолчали.

- Я знаю, о ком ты сейчас думал.- Снова начал Джамиль.

- И чё? – Алишер явно не был настроен доброжелательно.

- Я тоже часто о нём думаю...

- Да ну!

- Нет, правда. Этот парень единственный, кто так надолго остался в моих мыслях и сердце. – Джамиль задумчиво посмотрел вдаль. – Дело также в том, что я знал о том, что он погибнет. Поэтому-то я и сказал тебе, что он тебя никогда не простит.

Алишер молчал, потрясённый услышанным. А Джамиль продолжал:

- Я и не подозревал, что мне будет так тяжело, когда я узнал о его смерти. Меня будто кувалдой по голове бабахнули. Я был просто потрясён. Значит, Рои всё-таки что-то значил для меня. И сейчас... я никак не могу отделаться от мысли, что это я виновен в его смерти!

« Да, это ты как раз и виновен!» - хотел крикнуть Алишер, но почему-то он промолчал.

- Я хотел попросить у тебя прощения, Алишер. Это я разбил вашу дружбу. Я и никто другой. Понимаешь? Я завидовал вам, так как у

меня никогда не было настоящих друзей,-
Джамиль отвернулся, и плечи его сотряслись в
рыданиях.

Алишер широко открыл глаза, поражённый
происходящим.

- Прости, Алиш!

- Прощаю, Джамиль.

Мария Ложкина

В рождественскую ночь...

Альберт и Герта неслышно двигались по тропинке, замеченной снегом. Это были брат и сестра. Переговариваясь между собой, они спешили в маленькую избушку расположенной на краю деревни.

У них была небольшая семья. Папа, мама и Альберт с Гертой. Но так как денег у них не было, дети и не мечтали о подарках на Рождество. А им так хотелось конфет, игрушек и чего-нибудь таинственного. А скоро Рождество!

Вдруг дети остановились, уставившись друг на друга. Им показалось, что кто - то говорил в лесу! Они прислушались.... И в правду, услышали тоненький голосок:

-Какой же принести подарок этой бедной семье на краю деревни?

-О, мне кажется – прошептал другой голос - им хочется чего-нибудь необычного, интересного.

Дети вышли на опушку леса. Было еще светло, когда, они увидели несколько белочек сидевших на ветке большого дерева. Недалеко от них расположились длинноухие зайцы, которые с нескрываемым удивлением смотрели на детей. А, напротив, в снегу лежала красивая рыжеватая косуля и с красными грудками снегири прыгали по заснеженным веткам. Герта протянула руку к косуле и тихо сказала:

-Хорошенькая косулечка не бойся меня. Я не причиню тебе зла! Не надо меня бояться!

Дети часто бывали в лесу и привыкли к животным. Один раз летом Альберт принес маленького олененка домой. И ухаживал за ним до тех пор, пока олененок не подрос. После этого мальчик не хотел расставаться с животным, но потом все же повел его в лес.

Но это было летом, а сейчас-зима. Послезавтра – рождество! А ребяташки так хотели настоящее рождество! И теперь здесь в лесу, они услышали, что звери готовят им, что то интересное.

Вдруг дети заметили мерцающий огонек. Ах! Это была их деревянная старая избушка, которая трещала при любом ветре.

Когда брат и сестра появились на пороге все заснеженные, мать, накрывавшая на стол, спросила:

- Ну как? Вы принесли хворост для очага? Вы не замерзли ведь на улице так холодно!?

-Да нет мам, мы даже и не замечали холода.-

Ответил на вопрос матери Альберт.

- Раздевайтесь, сейчас будем ужинать.-

Прибавила мать ласковым голосом.

Дети ничего не сказали матери о том, что слышали в лесу от зверей.

За ужином говорили о том, что каждый хочет себе на рождество. Никто не видел, как несколько пар глаз наблюдали за происходящим. Эти звери, смотревшие в окно и слышавшие все, что там говорили и делали, очень хотели обрадовать этот дом в рождественскую ночь!

После ужина дети пошли спать в свою комнату, мать осталась мыть посуду, а отец сел около старого камина (служившим им столько лет) ремонтировать обувь.

-Интересно, что же хотят приготовить нам эти миленькие зверушки!?- сказала Герта Альберту лёжа под одеялом.

- Да мне тоже хочется это знать, но давай договоримся никому ни слова о том, что мы слышали и видели? О` кей?

-Да отлично!- ответила, Герта зевая,- Ладно, давай будем спать!- и она отвернулась к стене.

На следующее утро дети, позавтракав, отправились в сельскую школу.

Когда ребяташки вернулись из школы они не стали делать уроки, потому что им объявили каникулы. Дети принялись помогать матери убираться в доме.

- Мама! Завтра Рождество! Ты не забыла?- спросила Герта, подметая пол.

-О, нет, доченька такое я не забыла!- ответила мать, улыбнувшись своей любимице.

Следующий день прошел без всяких происшествий, как обычно.

И вот наступил долгожданный, рождественский день! У ребят было легко и радостно на душе, они как будто предчувствовали что-то необычное, торжественное. Дети вышли на улицу погулять. Повсюду слышался радостный крик детей и взрослых. Немножко прогулявшись, они все же вошли в дом

День подходил к концу, а дети все же верили, что лесные зверушки что-нибудь им приготовят.

Пожинав вкусным, праздничным ужином дети принялись помогать матери убирать со стола. Когда все было прибрано мать и дети сели на ветхий потрепанный диванчик, чтобы отдохнуть. Отец спал в другой комнате.

Вдруг легкий нежный свист послышался на улице. Дети вскочили, отец зашевелился в соседней комнате, а мать зачем-то посмотрела на часы. Дети переглянулись. Быстро одевшись, они выскочили на улицу. Легкий морозец щипал им щеки, яркая луна освещала все вокруг.

И вдруг.... С шумом и веселым треском, описав в воздухе сложный круг перед ними, упала красивая, светлая, чудная звезда. Она как бы переливалась в свете луны. Все смотрели на это как на чудо. Внезапно их привлек непонятный звук. Они посмотрели в ту сторону и вдруг увидели.... Вместо их старой избушки стоял красивый великолепный дом, а перед домом, стояли все обитатели леса. А немножко впереди лежала целая груда подарков! Все звери радостно улыбались глядя на эту счастливую семью. Внезапно звери закричали такими добрыми, веселыми голосами:

-Поздравляем вас с рождеством!

Это был как чудесный сон с приятным концом. Никто так и не понял, как великолепные сани чудесной музыкой пронесли в воздухе и скрылись в небе.

-Как все чудесно!- прошептала маленькая Герта. Она посмотрела на их теперь красивый дом. Не сон ли это!? Нет! Это был не сон!

Вскоре после этого счастливая семья вместе со зверушками вошли в их новый дом! Там всех ждала новая, чудесная жизнь!

Но, как и когда звери устроили все это, для всех остается загадкой!

Екатерина Назаренко

Волшебное озеро и дерево Желаний

Вся эта история началась зимой, в предновогоднюю ночь, в глубине непроходимых лесов, у чёрной скалы. Вот из-за туч вышла луна и осветила вход в тёмную пещеру, где, задумавшись, лежал Фестрал, худой и тощий чёрный конь. «Говорят,-думал он,-что в глубине леса Единорогов есть место, в котором исполняются все желания». Он хорошо помнил историю, которую рассказывала ему когда-то мать: «В самой середине леса Единорогов, есть место, где сбываются все желания. Его Единороги тщательно оберегают. Там в Волшебном озере растёт дерево Желаний, если туда прийти и загадать любое желание, то оно исполнится. Это место очень прекрасно в Новогоднюю ночь. Озеро как будто просыпается от долгого

сна. Нежно-розовый туман начинает клубиться над его поверхностью. Дерево, растущее посередине озера, тоже начинает просыпаться. На светло-кремовых ветках появляются золотисто-серебристые листочки, а белоснежные цветы освещают всё вокруг жемчужно-розовым бледным светом». Как же Фестралу хотелось попасть туда! Сколько желаний ждали своего исполнения! Но незаметно пробраться в лес Единорогов никак нельзя. Здесь нужно действовать хитростью. Он прекрасно знал, что Единороги, как и все жители других лесов, тоже встречают Новый год. Все Единороги собираются у Волшебного озера и загадывают желания. «Нужно сорвать праздник!»- решил Фестрал. Летучие мыши, живущие в этой пещере, мне помогут! Вскоре он собрал целый полк Летучих мышей и сказал им : «В Новогоднюю ночь вы прилетите на праздник и вместе с Мантикорами нападёте на всех присутствующих. А пока летите в Запретный лес и пригласите Гриффионов принять участие, а я займусь Мантикорами». Летучие мыши тотчас полетели исполнять приказание. «Гриффоны,- подумал Фестрал,- сильные и большие животные быстро уберут половину Единорогов своим страшным видом». Хотя он и сам не любил Гриффонов, но чудища с головой орла, телом льва и с драконьими крыльями ему хорошо пригодятся. С такими мыслями Фестрал вышел из пещеры и

поспешил разыскивать Мантикор, огромных орлов, с головой дракона. За этим внимательно наблюдал маленький эльф по имени Оттер. «Надо скорее предупредить об этом Вождя Единорогов!»- решил Оттер. Через час он рассказал Вождю Единорогов-Талькаву всё, что увидел и услышал в темной пещере. «Надо предотвратить это!» - сказал Талькав. «Да, но одни мы не справимся», - задумчиво произнес другой Единорог Бейн. «Мы можем позвать на помощь Гиппогрифов или Окапи», -предложил Талькав. «А ты, Оттер, предложи Фениксам помочь нам», - сказал Талькав, и Оттер сейчас же полетел к Фениксам. В это время Фестрал был довольный тем, что ему удалось уговорить Мантикор напасть на Единорогов. Он сидел в пещере и ждал Летучих мышей. Наконец появились и они, а за ними, важно шагая, пришли и Гриффоны. «Итак, мои дорогие друзья!»- сказал Фестрал,-завтрашней ночью мы нападём на Единорогов и завладеем их мудростями, золотом, наконец, всем лесом! Вы согласны?» Тут среди Гриффионов прошел тихий шёпот, который под конец стих, и Гриффионы сказали: «Мы согласны!» Тоже самое сказали Мантикоры и Летучие мыши. «Отлично!-Тогда готовьтесь!»-произнес Фестрал. Последние слова Фестрал произнес, думая совсем о других вещах. Ему представилось, будто он пришел к дереву Желаний, и оно исполняет всё, что он пожелал,

а пожелал он многого: стать королём, иметь богатство, чтобы все ему подчинялись и отменить Новый год. Все эти желания были его самыми любимыми, он и не подозревал, что Единороги уже предупреждены и зовут на помощь. Настала Новогодняя ночь, и армия под руководством самого Фестрала двинулась в лес Единорогов. В это время Единороги были готовы к внезапному нападению. «Вот они!»- крикнул Талькав. И, правда, среди стволов деревьев мелькали тени Грифонов и Мантикор. «Летучие мыши?»- удивился Бейн, когда наплывшая на небо туча оказалась Летучими мышами. Долго сражались Единороги с Мантикорами, Грифонами и Летучими мышами, и, наконец, удача склонилась на сторону Единорогов: побежденная армия Фестрала разбежалась. «Больше они сюда не вернуться!»- сказал сияющий Единорог Флоренц. «Это точно!»- согласился с ним Талькав. «Благодаря эльфу Оттеру, мы спасли праздник Нового года!»- радовался Бейн.

С этих пор у Единорогов и других жителей леса появились обычаи: в Новый год приглашать друг друга в гости и дарить подарки. А дерево Желаний до сих пор растет посреди Волшебного озера, покрытого нежно-розовым туманом.

Ксения Ускова

Зимняя сказка

В далёкой, жаркой Африке жил был чернокожий мальчик лет восьми. Его звали Оби. У него не было родителей и родственников. Жил он в деревне, и никто не хотел с ним общаться.

Однажды от кого-то из взрослых Оби услышал про холодную зиму в России, про праздник Новый год. Оби очень захотелось попасть в Россию, найти друзей, весело отпраздновать Новый год. Мальчик задумался: «Как же туда попасть?». Вдруг Оби услышал шёпот. «Оби, Оби», - звало мальчика неизвестное существо. Он обернулся и увидел маленького кролика. Так как Оби никогда не видел кроликов, он очень испугался и побежал. «Постой, Оби, я не обижу тебя!» - кричал кролик. Мальчик остановился, но всё равно боялся подходить к зверьку. «Я случайно услышал, что ты очень хочешь попасть в Россию», - спросил кролик. «Да, очень!» - ответил Оби. «Я тебе помогу! Бежим за мной!» - обнадежил мальчика неизвестный зверёк.

Они убежали далеко за пределы деревни и встали посреди пустой полянки. Кролик скомандовал: «Хватай меня за лапу!» Оби схватил его за лапу, и тут начали происходить чудеса. Всё поплыло перед глазами, и через секунду они стояли на тротуаре одной из улиц Москвы, оба одетые в тёплую одежду. «Где

мы?!» - удивился мальчик. «В Москве»,- спокойно ответил кролик. Оби радостно закричал: «Это в России?!» «Да, именно»,- с тем же спокойствием подтвердил зверёк. «А что это такое беленькое?» - спросил мальчик. «Это снег. Из него можно лепить снеговиков, делать разные фигурки, а ещё можно сделать из него горку»,- пояснил кролик. «Как это? Из сыпучего делать фигуры?»- удивился Оби. «Пошли, покажу»,- позвал мальчика зверёк.

Оби решил называть кролика Бусик. Бусик и Оби долго катались на горке, лепили снеговиков, играли в снежки, и только когда начало смеркаться, они закончили и сели на скамейку. «Мне так понравилось! В России так хорошо!» - радостно кричал мальчик. «Да, весело было, не поспоришь, а ночевать то, мы где будем?» - поинтересовался кролик. Оби подумал и ответил: «Может быть, ляжем на скамейку и укроемся куртками?» «Придётся...»,- с грустью ответил Бусик. Они улеглись и вскоре уснули.

Когда они проснулись, обоих мучало чувство голода, а денег не было. «Как бы заработать хоть немного денег»,- думал кролик. «Может, устроимся на работу?» - предложил мальчик. «Можно попробовать, вот только куда нас возьмут?» - сказал Бусик. «Ребята! Ребята!» - донёсся крик со двора. К Бусику и Оби подошёл дедушка и сказал: «Я слышал, вы работу ищете?» «Да, ищем. У нас денег на еду

совсем нет», - сказал Оби. «Так я вас могу дворниками устроить! Платят немного, но вам хватит», - сказал дедушка». «А кто такой дворник?» - с любопытством спросил мальчик. «Это человек, который подметает улицы, чистит снег», - попытался объяснить дедуля. Кролик спросил Оби: «Ну что, пойдём работать?». «Пойдём!» - согласился он.

Они весь день чистили снег и к вечеру очень устали и проголодались. «Ну, вот и ваша первая зарплата, идите в магазин и купите себе поесть», - сказал дед ребятам. «Спасибо!» - поблагодарили Оби и Бусик дедушку и побежали в магазин. Они купили запасы еды, спрятали их под скамейку и со следующего дня решили копить.

Уже приближался Новый год (было 24 декабря), и друзья стали подумывать о своём жилище, но денег им ни на что не хватало.

На следующий день дедушка их обрадовал: «Ребята, за вашу упорную работу я решил выделить вам комнату в общежитии, чтобы вы могли ночевать в помещении, а не на улице и имели возможность украсить свой дом по своему вкусу!». «Большое спасибо! Мы очень рады!» - крикнули друзья. После работы они впервые увидели, где будут жить.

Ночью им не спалось. Они решили вырезать снежинки из бумаги, сделать бумажные гирлянды, в общем, делать украшения для дома.

На другой день они работали упорно и очень хотели спать. Вечером они поехали в лес за ёлкой. Ёлочку они выбрали небольшого размера, но украшена она была роскошно. Снежинки они приклеили на стёкла окон, а бумажные гирлянды развешали по всему дому.

Близилось 31 декабря. Ребята мечтали попасть на новогоднее представление, но туда пропускали только в костюмах. Они решили заработать денег на новогодние костюмы. За 3 дня они уже заработали достаточную сумму и отправились в магазин покупать костюмы. Бусик выбрал себе костюм мушкетёра, а Оби костюм мышонка. Они выучили стихи для Деда Мороза и полностью были готовы к празднику.

Вот и наступило 31 декабря. Они надели костюмы, повторили стихотворения и пошли. Ребятам очень понравилось представление. Друзья получили подарки от Деда Мороза и наблюдали, как запускали фейерверки. Зажглась гирлянда на ёлке, и куранты пробили 12. Все кричали: «Ура! С Новым годом!» Для Оби это была самая настоящая сказка в новогоднюю ночь!

Хоть это и стоило ему многих стараний, сил и времени, но он нашёл настоящего друга, попал в Россию и весело встретил Новый год, а самое главное, исполнил свою мечту.

ПУБЛИЦИСТИКА

Анастасия Паю.

Взгляд со стороны.

Шурочка.

Как писал Марк Твен, все говорят о плохой погоде, но никто не пытается её изменить. Исходя из данной цитаты, можно выразить своё мнение по поводу социальных проблем в России: каждый уверенно говорит о них, но это ничего не решает. В настоящее время лидером была и остаётся бедность. Зачастую, попадая в города разного масштаба, на каждом углу мы сталкиваемся с людьми, просящими милостыню или же с теми, кто ищет свою «правду» в мусорных баках. Таких примеров достаточно много. Подобного рода ситуации глубоко ранят душу, и становится стыдно. За себя стыдно. Звучит немного странно, но я попытаюсь объяснить свою точку зрения, отталкиваясь от простого примера из собственной жизни.

Осенние каникулы я провела у старшей сестры в Красноярске. Любовь к этому городу у меня огромная, поэтому хватаюсь за любую подвернувшуюся возможность, чтобы попасть туда ради душевного удовлетворения. Да и бешеный ритм городской жизни всегда привлекал. Живём мы в обычной пятиэтажке, из окон которой открывается вид на дворики с детскими площадками и привычную суету

главного проспекта. Многие горожане встречают новое утро под громкие звуки машин, очищающих мусорные баки. Все дома, разумеется, имеют отдельное место для отходов. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. Я это к тому, что на каждый бак найдётся свой хозяин в лице человека без определённого места жительства. Так вот, полноправной обладательницей мусорных баков нашего двора является добрейшей души женщина, которую все зовут Шурой. Познакомились мы с ней два года назад, но, увы, не знаю до сих пор, что заставило её опуститься на «дно» жизни.

В одно морозное ноябрьское утро я наблюдала за ней из окна, невольно улыбаясь тому, как она бранила каждого, кто норовил посягнуть на её владения. И вдруг моё внимание привлекли, вы не поверите, носки, которые были на руках Шуры вместо рукавиц. Мысленно я ругала себя за то, что не привезла для неё тёплых варежек. Но я даже не могла подумать, что у бедолаги их попросту нет.

Спустя день, прогуливаясь вместе с сестрой и племянником во дворе, мы снова встретили её на прежнем месте. На этот раз женщина была озадачена содержимым очередного выброшенного пакета. Я пошарила руками в карманах, обнаружив там немного денег, знала наперёд, куда их потрачу. Вместе с сестрой мы твёрдо решили сделать нашей

знакомой приятное. Сломав голову побежала в ларёк, находящийся поблизости. Довольно брякнув монетами о кассу, купила булку свежего хлеба и упаковку кефира. Увидев меня с покупками, она пришла в растерянность. «Тётъ Шур, вот, возьмите, пожалуйста», - ласково обратилась я к ней, протянув продукты. Она сунула руку в карман потрёпанного пальто и, смутившись, пробормотала: «Ох ты, Господи, а у меня и денежек то нет!» В ответ я замахала руками, ведь поступок, совершённый для неё, не требовал оплаты. Это было сделано от чистого сердца, искренне и бескорыстно.

Женщина поблагодарила меня, пожелав напоследок всего доброго, и глаза её повлажнили от слёз. «Кушайте на здоровье», - улыбнувшись, ответила я и вернулась к сестре. Та встретила меня вопросом: «Ну, что Шурочка сказала?» Я ничего не ответила. Зачем? Ведь по моим слезам всё было и так понятно.

И вот, представьте себе такую картину: вокруг бесконечная суета, люди куда-то спешат, кутаясь в тёплые куртки, а мы, две счастливые сестрёнки, вопреки всем правилам этикета, ревём, стоя последи дворики. Я теперь точно знаю, что маленькое добро, подаренное кому-то, - это огромное счастье, прежде всего для себя самого.

Я безумно благодарна родителям за данное мне воспитание, что умею сострадать,

проявлять сочувствие, стать кому – то полезной. А сейчас я твёрдо решила, когда окончательно переберусь в город, обязательно займусь дальнейшей судьбой Шуры. Попытаюсь найти её родных, и если она даст согласие, то непременно устрою её в реабилитационный центр. Ведь достаточно одного маленького зёрнышка, чтобы посеять поле добра.

И напоследок мне бы хотелось обратиться с просьбой ко всем людям: не важно, сколько вам лет, где вы живёте и какой социальный статус занимаете. Если у вас появится свободная минутка, используйте её для того, чтобы переосмыслить своё отношение к окружающим - это не требует никаких расходов.

(«Голос Тюхтета» от 12.01.2012г.)

Михаил Талаев

Из истории района.

Воспоминания старины глубокой.

Передо мной лежит газета «За высокий урожай» от 28 мая 1943 года – орган издания Тюхтетского РК ВКП (б) и районного Совета депутатов трудящихся (как говорится, прапрадед нынешнего «Голоса Тюхтета»). Она выходила два раза в неделю одной полосой или, проще говоря, одним листком, попавшим мне случайно. А интерес заключается в том, что по ней можно сравнить, как за исторически короткий срок кардинально изменилась наша жизнь.

Итак, завершался второй год военного лихолетья. Что же в ту пору представлял наш район?

Из листка можно понять, что, во-первых, жителей, проживающих на территории района, было втрое больше против текущего момента (сейчас нет и девяти тысяч). Власть на местах представляли восемнадцать сельсоветов: Тюхтетский, Н-Дмитриевский, Изотовский, Оскаровский, Ордынский, Белогорский, Усть-Чульский, Соловьёвский, Н-Митропольский, Хохловский, Рубинский, Поварёнкинский, Боровской, Алексеевский, Лазаревский, Двинский, Васильевский и

Красинский. Теперь многих деревень, представлявших эти центральные усадьбы, и в помине нет. Колхозов же было девяносто. Представляете, как сложно было давать им названия? Но наши деды головы особо не ломали и с наименованиями не комплексовали. А потому есть среди них и «экзотические» в сегодняшнем понимании. Например: «Крепость обороны», «Мировой труд», «Борьба за пятилетку», «Имени 1040», «Путь освобождения», «Пробуждение севера», «Победа», «Просвет тайги» и тому подобные. При разыгравшейся фантазии, объяснить значения этих названий можно во множестве вариантов.

Однако всё это не мешало людям ударно трудиться. В это тяжёлое время пахали, в основном, на быках. Сеяли вручную, иногда в этом деле прибегали к помощи лошадей, если таковые были свободны. На полях можно было увидеть только женщин, детей, стариков и инвалидов, так как мужское население отстаивало свободу и независимость нашей Родины на фронтах Великой войны.

К 28 мая южные хозяйства района провели сев на 80-85%. Остальные перешагнули за 56%. А мы сегодня, имея мощную технику и втрое уменьшив зерновой клин, с севом справляемся к середине июня. Тогда же установка района была неумолима: с посевной справиться к 5 июня!

Интерес вызывает заметка «Грубое нарушение агротехники». В ней говорится, что 21 мая вспаханы семь гектаров полей с браком. Помимо этого имеет место разрыв вспаханной площади между севом и боронованием (привожу выдержки дословно). За эти нарушения на председателя колхоза передали дело прокурору для привлечения к ответственности. Вот это дисциплина! И спросить есть с кого, не в пример сегодняшнего дня.

Или вот ещё один эпизод нашей маленькой истории. В семидесятые годы страна осваивала целинные земли. На этой волне колхоз «Красное знамя» решил поднять залежный клин по буграм и низинным пастбищам в районе покровской ГЭС. На одном из холмов лемех плуга вывернул из земли старинные сабли, наконечники стрел. Ребятишки из деревни Покровка первыми узнали новость и ринулись добывать воинские трофеи. В их руки попало крепко изъеденное ржавчиной оружие.

Какой же из этого можно сделать вывод? Тюхтетские просторы освоены людьми довольно давно. Основными путеводными нитями были водные. Река Четь и сегодня доступна для моторных лодок от Тойловки вниз по течению. А в те годы она, несомненно, была полноводной. И есть уверенность, что лет триста назад по ней передвигались не только в

лёгких судёнышках, а и многоместных ладьях. Берега заселялись местными народами. Считается, что Тюхтету примерно 150 лет. Но до сих пор улицу Крестьянскую старики зовут «Пазьмы». Тридцать лет назад здесь ещё местами в огородах догнивали огромные пни от лиственниц. Тайга стояла девственная. Потому и реки были полноводными, и народ жил смелый и трудолюбивый.

(«Голос Тюхтета» от 24.10.2013г.)

Краеведение.

Из истории Тюхтетского района.

Наш район, бесспорно, является сибирской глубинкой, что подтверждается историей. Он был образован в 1924 году с общей территорией в 9300 квадратных километров. Местность равнинная, местами холмистая. С юга на север протяжённость равняется 134 километрам, а с востока на запад

– 70. В северной части протекает большая река Чулым. А в центральной, почти разделяя район посередине, несёт свои воды Четь, вторая по величине и значимости река. Почти всюду властвует тайга. Лишь пятую часть занимают поля, луга, лесные и пойменные поляны.

С незапамятных времён здесь обитали малочисленные племена хакасов, кыргызов, кето, остяков, чулымских татар. (История Сибири. П.Словцов). Жили тем, что ловили рыбу, промышляли зверя и птицу. Реки и озёра изобиловали осетром, стерлядью; особенно много было щуки, окуня, язя, карася, налима, ельца и сороги. Уже позже в водоёмах появились лещ, судак, нельма. Тайга поставляла на стол аборигенов мясо лосей, медведей, зайцев. Из пушных зверей водились рысь, выдра, россомаха, бобёр, белка, норка, соболь, лиса. Достаточно имелось боровой и водоплавающей птицы.

По одной из версий, в восемнадцатом веке на безымянной речке ясачное поселение получило имя татарина Тюхтета. Водоём также назывался его именем.

Другая легенда гласит, что у татарского князя была любимая дочь Тюхту. Девушка, купаясь в реке, утонула. И тогда в её честь реку называли Тюхтеткой, как и поселение на её берегу. Хотя обе версии спорны, поскольку в соседнем с нами Большеулуйском районе есть реки Малый и Большой Тюхтеты.

Со второй половины 19 и начале 20 веков, не выдержав деспотизма царского режима, сюда активно устремились переселенцы из западных областей России, из Белоруссии и Украины. Селились хуторами и небольшими деревеньками. Чернозёмные земли южной части района давали неплохие урожаи ржи, ячменя и овса. Кормились люди с огородов картошкой, капустой, брюквой. Держали много домашнего скота. Конечно, большим подспорьем являлась тайга, где мужчины проявляли зверя и птицу, рыбу и кедровые орехи, а женщины заготавливали на зиму грибы и ягоды.

Как ни странно, но пчеловодство не было развито. И это несмотря на обилие медоносов: малины, акации, кипрея, лугового разнотравья. Им занялись вплотную после коллективизации, где-то в начале 30-х годов: мелким колхозам выделяли по несколько семей пчёл и в приказном порядке заставляли развивать эту отрасль.

Результаты буквально ошеломили: единственный в СССР пчеловод из Поварёнкина Демко получил Золотую звезду Героя Социалистического Труда. Мой, в четвёртом поколении, прадед Яков Знак в тайге имел пчелиные борти. Раз в году, ближе к осени, он запрягал лошадь, загружал на телегу бочку и уезжал в лес, иногда на два-три дня. Возвращался с полной кадучкой медовых сот.

В окрестных деревнях, кроме него, этим никто не занимался.

Богата земля Тюхтетская неброской красотой природы и её тайнами. Ближе с историей района можно познакомиться в краеведческом музее, организованном на базе Тюхтетской средней школы № 1, который по крупицам создала удивительный человек, педагог с большой буквы, Валентина Васильевна Ложкина. Она давно на пенсии, но до сих пор заведует своим детищем.

(«Голос Тюхтета» от 21.11.2013г.)

Человек и природа.

Сохраним наш мир.

Защита окружающей среды - один из наиболее насущных вопросов во всём мире. В

нашей стране данная проблема также остро ощущается.

Государство и природоохранные организации пытаются хотя бы частично её ликвидировать, но чтобы радикально решить данный вопрос, нужно привлечь к нему как можно больше людей. Для этого создаются всевозможные проекты. В ходе одного из них, под названием «Краевая гражданская on-line игра «За Дело», выпускники провели уборку территории так называемого «Волошенкинского озера», являющегося излюбленным местом отдыха многих жителей райцентра. Активно потрудившись и очистив территорию вокруг водоёма, ребята были удовлетворены проделанной работой.

Далее, не теряя своего, боевого настроения, выпускники пошли на уборку припоселкового соснового бора, являющегося памятником природы краевого значения. Собрали в мешки сухие ветки, листву, другой мусор и, погрузив всё в машину, вывезли на свалку. Ребята своим примером показали жителям Тюхтета, что нужно охранять природу, а мусор выбрасывать только в предназначенных для этого местах.

Если соблюдать эти простые правила, то отдых не омрачится неприятным видом окружающего ландшафта, а будет наполнен только положительными эмоциями.

(«Голос Тюхтета» от 29.05.2014г.)

**« Души прекрасные
порывы...»**

Сборник творческих работ
учащихся МБОУ
«Тюхтетская средняя
общеобразовательная
школа №1»

Редактор: **Александрова В.И.**

Технический редактор:

Александрова В.И.

Попельшко В.Н.

Булович К.И.

Оформление и компьютерная
вёрстка:

Булович К.И.

